

ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Международный научный журнал
Том 6 № 1

ETHNIC CULTURE

International academic journal
Vol. 6 No. 1

Этническая культура

Международный научный журнал
Том 6, № 1 | 2024

«Этническая культура» – междисциплинарный научно-практический рецензируемый журнал, представляющий результаты исследований в области этнических процессов и явлений. На страницах журнала публикуются статьи, проводятся дискуссии по широкому кругу проблем, касающихся методологических подходов к изучению этнических культур и их роли в истории человеческой цивилизации; различных аспектов межъязыковой и межкультурной коммуникации; вопросов сохранения культурных традиций в условиях глобализации и передачи этнокультурного опыта будущим поколениям.

Миссия журнала – предоставить возможность авторам ознакомиться со своими идеями широкий круг профессионалов, а читателям – быть в курсе актуальных вопросов изучения, сохранения и развития этнических культур в современном мире.

ОСНОВНЫЕ РАЗДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

- Этнография, этнология и антропология:**
 - 5.6.4. Этнология, антропология и этнография
 - 5.6.1. Отечественная история
- Языки и литературы народов мира:**
 - 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
 - 5.9.2. Литературы народов мира
 - 5.9.4. Фольклористика
 - 5.9.5. Русский язык. Языки народов России
 - 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
- Этнокультурные проблемы образования:**
 - 5.8.1. Общая педагогика, истоки педагогики и образования
 - 5.8.7. Методология и технология профессионального образования
- Обзоры и рецензии**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Баскакова Наталья Ивановна, канд. филос. наук, доцент, ректор, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, член-корреспондент Международной академии культуры и искусства, г. Чебоксары, Российская Федерация

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Арестова Вероника Юрьевна, канд. пед. наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Фомин Эдуард Валентинович, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

КОРРЕКТОР:

Фомин Эдуард Валентинович, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА:

Федоськина Анастасия Дмитриевна

Наименование органа, зарегистрировавшего издание	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 09 октября 2019 года (Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-76946 от 09 октября 2019 г.)
DOI	10.31483/a-10566
Год основания	2019
Периодичность	4 раза в год
Учредители журнала	БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики; ООО «Издательский дом «Среда»
Издатель журнала	ООО «Издательский дом «Среда»
Адрес редакции и издателя	428023, Россия, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Гражданская, д. 75, офис 12
Сайт	https://journalec.com
E-mail	info@journalec.com
Телефон	+7 (8352) 655-731
Подписка и распространение	Подписка на журнал осуществляется через систему электронной редакции на сайте, а также по e-mail info@journalec.com . Свободная цена.
Типография	Студия печати «Максимум», 428023, Чебоксары, Гражданская, д. 75, тел.: +7 (8352) 655-047 Печать цифровая. Бумага офсетная. Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 4,88. Заказ К-1271. Тираж 100 экз.
Подписано в печать	26.03.2024
Дата выхода в свет	29.03.2024

Предназначено для детей старше 16 лет

Ethnic Culture

International academic journal
Vol. 6 No. 1 | 2024

Ethnic Culture is an interdisciplinary scientific and practical peer-reviewed journal that presents the results of studies in the field of ethnic processes and phenomena. The journal publishes articles and debates on a wide range of issues related to methodological approaches to the study of ethnic cultures and their role in the history of human civilization; various aspects of crosslinguistic and intercultural communication; issues of cultural traditions preservation in the context of globalization and the transfer of ethnocultural experience to future generations.

The mission of the journal is to provide an opportunity for authors to familiarize a wide range of professionals with their ideas, and for readers to be aware of current issues of studying, preserving and developing ethnic cultures in the modern world.

SECTIONS:

Ethnography, Ethnology and Anthropology:

- 5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography
- 5.6.1. Russian history

World languages and literature:

- 5.9.1 Russian literature and literature of peoples of the Russian Federation
- 5.9.2 Literature of the peoples of the world
- 5.9.4 Folklore studies
- 5.9.5 Russian language. Languages of peoples of Russia
- 5.9.8 Theoretical, applied and comparative-contrastive linguistics

Ethno-Cultural Problems of Education:

- 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 5.8.7. Methodology and technology of professional education

Reviews and Peer-Reviews

CHIEF EDITOR:

Natalya I. Baskakova, candidate of philological sciences, associate professor, rector, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, associate fellow of International Academy of Culture and Art, Cheboksary, Russian Federation

DEPUTY CHIEF EDITORS:

Veronika Yu. Arestova, candidate of pedagogical sciences, associate professor, leading research fellow, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

EXECUTIVE SECRETARY:

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the Humanities and Socio-Economic Disciplines Department, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

PROOF-READER:

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the Humanities and Socio-Economic Disciplines Department, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

COMPUTER LAYOUT:

Anastasiya D. Fedoskina

Authority registered	Journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media on October 9th, 2019 (The certificate of printed edition registration: ПИ №ФС77-76946 of 9 October 2019)
DOI	10.31483/a-10566
Year of Foundation	2019
Publication Frequency	Quarterly
Founders	BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs; LLC "Publishing house "Sreda"
Publisher	LLC "Publishing house "Sreda"
Postal address	75 Grazhdanskaya St., office12, Cheboksary, 428023, Russian Federation
Web-site	https://journalec.com
E-mail	info@journalec.com
Tel.	+7 (8352) 655-731
Subscription and distribution	The journal content is free. Subscribe form on the web-site and via e-mail: info@journalec.com
Printing House	Print Studio «Maximum», 75 Grazhdanskaya St., Cheboksary, 428023, Russian Federation, tel.: +7 (8352) 655-047. Digital print. Offset paper. Format 60×84 1/8. Conditional printed pages 4,88. Order K-1271. Circulation 100 copies.
Signed in the print	26 March 2024
Date of publication	29 March 2024

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Данильченко Галина Дмитриевна, д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры рекламы и связи с общественностью, Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина, г. Бишкек, Кыргызская Республика

Журавлева Евгения Александровна, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Республика Казахстан

Иноятов Сулейман Иноятович, д-р ист. наук, профессор кафедры национальной идеологии, основ духовности и правового воспитания, Бухарский государственный университет, г. Бухара, Республика Узбекистан

Королева Вера Владимировна, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой «Второй иностранный язык и методика обучения иностранному языку», Педагогический институт Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация

Лобачевская Ольга Александровна, д-р искусствоведения, профессор кафедры культурологии, Белорусский государственный университет культуры и искусств, г. Минск, Республика Беларусь

Масанори Гото, доктор гуманитарных наук (Ph.D., Human Science, Osaka University, 2003), профессор, научный сотрудник Центра славянских исследований Хоккайдского университета, г. Хоккайдо, Япония

Салмин Антон Кириллович, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Соегов Мурадгелди, д-р филол. наук, профессор, действительный член – академик Академии наук Туркменистана, внештатный научный консультант Института языка, литературы и национальных рукописей имени Махтумкули Академии наук Туркменистана, г. Ашхабад, Туркменистан

Стрелец Михаил Васильевич, д-р ист. наук, профессор кафедры гуманитарных наук, Брестский государственный технический университет, г. Брест, Республика Беларусь

Хамидова Марфуа Азизовна, д-р искусствоведения, профессор кафедры академического пения и оперной подготовки Государственной консерватории Узбекистана, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Шарифов Рахмонали Ятимович, д-р ист. наук, доцент, и. о. профессора кафедры истории древнего мира, средневековья и археологии, декан факультета истории Таджикского национального университета, г. Душанбе, Республика Таджикистан

Яниоэло Мария Александровна, д-р пед. наук, доцент кафедры педагогики и психологии, Комратский государственный университет, г. Комрат, Республика Молдова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Алдошина Марина Ивановна, д-р пед. наук, профессор, директор центра по взаимодействию с Российской академией образования, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, г. Орёл, Российская Федерация

Бакула Виктория Борисовна, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой филологии и медиакоммуникаций, Мурманский арктический государственный университет, г. Мурманск, Российская Федерация

Берман Андрей Геннадьевич, канд. ист. наук, заведующий кафедрой отечественной и всеобщей истории, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Российская Федерация

Брагина Дария Григорьевна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник отдела этносоциальных и этноэкономических исследований, Академия наук Республики Саха (Якутия), г. Якутск, Российская Федерация

Бушуева Любовь Ивановна, канд. искусствоведения, старший научный сотрудник искусствоведческого направления, Чувашский государственный институт гуманитарных наук Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

Владыкина Татьяна Григорьевна, д-р филол. наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела филологических исследований, Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, г. Ижевск, Российская Федерация

Годовова Елена Викторовна, д-р ист. наук, профессор кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация

Давлетишина Лейла Хасановна – д-р филол. наук, ученый секретарь Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация

Давыдов Денис Владимирович, д-р ист. наук, профессор кафедры социологии, политологии и менеджмента, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева – КАИ, г. Казань, Российская Федерация

Джунджужов Степан Викторович, д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация

Иванова Алена Михайловна, д-р филол. наук, декан факультета русской и чувашской филологии и журналистики, Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Российская Федерация

Карпушина Лариса Павловна, д-р пед. наук, профессор кафедры художественного и музыкального образования, Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск, Российская Федерация

Китинов Баатр Учавевич, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории Востока, Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Краюшкина Татьяна Владимировна, д-р филол. наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО Российской академии наук, г. Владивосток, Российская Федерация

Кущаева Марина Васильевна, канд. филол. наук, научный сотрудник отдела урало-алтайских языков, Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Лиходкина Ирина Александровна, д-р филол. наук, доцент кафедры французского языка, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Матлин Михаил Гершенович, д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, г. Ульяновск, Российская Федерация

Мосина Наталья Михайловна, д-р филол. наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Российская Федерация

Напольнова Елена Марковна, д-р филол. наук, старший преподаватель кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Ооржак Байлак Чаш-ооловна, д-р филол. наук, главный научный сотрудник мировой литературы гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (Кызыл)

Панькин Аркадий Борисович, д-р пед. наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, г. Элиста, Российская Федерация

Прохоров Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры документоведения и архивоведения, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

Рахманов Бахтиёр Рузикулович, д-р филол. наук, профессор кафедры мировой литературы Российско-Таджикского (Славянского) университета, г. Душанбе, Республика Таджикистан

Сапожникова Юлия Львовна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры английского языка, Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Российская Федерация

Сарбашева Алена Мустафаевна, д-р филол. наук, доцент, заведующая сектором карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – Филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик, Российская Федерация

Сафина Лилиана Михайловна, канд. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой русистики, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), г. Москва, Российская Федерация

Сивкина Наталья Юрьевна, д-р ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Султанбаева Клавдия Ивановна, д-р пед. наук, профессор кафедры дошкольного и специального образования, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, Российская Федерация

Темербекова Альбина Алексеевна, д-р пед. наук, доцент, профессор кафедры педагогики, психологии и социальной работы, Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Российская Федерация

Узденова Фатима Таулановна, д-р филол. наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований – Филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик, Российская Федерация

Ульмасова Замирахон Хабибуллоевна, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой современной таджикской литературы, Худжандский государственный университет имени академика Б. Гафурова, г. Худжанд, Республика Таджикистан

Федорова Светлана Николаевна, д-р пед. наук, профессор кафедры методологии и управления образовательными системами, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

Фомин Эдуард Валентинович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

Цаллагова Зарифа Борисовна, д-р пед. наук, ведущий научный сотрудник отдела Кавказа Орден Дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Эльбзудкаева Тамара Умаровна, д-р ист. наук, первый заместитель генерального директора, Музей Чеченской Республики, заведующая отделом истории народов Северного Кавказа Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, г. Грозный, Российская Федерация

Юсупова Альфия Шавкетовна, д-р филол. наук, профессор кафедры общего языкознания и тюркологии, Институт филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Российская Федерация

Юша Жанна Монгеевна, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник лаборатории вербальных культур народов Сибири и Дальнего Востока Института филологии СО Российской академии наук, г. Новосибирск, Российская Федерация

Ягафова Екатерина Андреевна, д-р ист. наук, заведующая кафедрой философии, истории и теории мировой культуры, Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Российская Федерация

EDITORIAL COUNCIL:

Galina D. Danilchenko, doctor of historical sciences, associate professor, professor of the department of advertising and public relations of the Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Republic of Kyrgyzstan

Evgenia A. Zhuravleva, doctor of philological sciences, professor, head of the department of theoretical and applied linguistics, L. N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Sulaymon I. Inoyatov, doctor of historical sciences, professor of the department of national ideology, fundamentals of spirituality and legal education at Bukhara State University (Uzbekistan), academician at Turon Academy of sciences, academician at "International Teacher's Training Academy of Science", Bukhara, Republic of Uzbekistan

Vera V. Koroleva, doctor of philological sciences, associate professor, head of the department "Second foreign language and methods of teaching foreign languages", Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russian Federation

Olga A. Lobachevskaya, doctor of art history, professor of the department of cultural studies of The Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Republic of Belarus

Goto Masanori, doctor of humanities (Ph.D., Human Science, Osaka University, 2003), professor, research fellow of Hokkaido University, Hokkaido, Japan

Anton K. Salmin, doctor of historical sciences, leading research scientist Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Myratgeldi Soyegov, doctor of philological sciences, professor, full member-academician of the Academy of Sciences of Turkmenistan, visiting research adviser at Makhtumkuli Institute of Language, Literature and National Manuscripts of the Academy of Sciences of Turkmenistan, Ashgabat, Turkmenistan

Mikhail V. Strelets, doctor of historical sciences, professor of the department of humanities of Brest State Technical University, Brest, Republic of Belarus

Marfua A. Khamidova, doctor of art history, professor of the department of academic singing and opera training at The State Conservatory of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Rakhmonali Ya. Sharifov, doctor of historical sciences, associate professor, acting professor of the department of history of the ancient world, the middle ages and archaeology, dean of the faculty of history of the Tajik National University, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Mariya A. Yanioglo, doctor of pedagogical sciences, associate professor of the department of pedagogy and psychology of State University of Comrat, Comrat, Republic of Moldova

EDITORIAL BOARD:

Marina I. Aldoshina, doctor of pedagogic sciences, professor, director of the Center for Interaction with the Russian Academy of Education of the Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, Russian Federation

Viktoria B. Bakula, doctor of philological sciences, professor, head of the department of philology and media communications, Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russian Federation

Andrey G. Berman, candidate of historical sciences, head of the department of national and universal history, Chuvash I. Ya. Yakovlev State Pedagogical University, Cheboksary, Russian Federation

Daria G. Bragina, doctor of historical sciences, chief research fellow of the department of ethnosocial and ethnoeconomical research, Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Russian Federation

Lyubov I. Bushueva, candidate of art history, senior research fellow of art history, Chuvash State Institute of Humanities of the Ministry of Education and Youth of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

Tatyana G. Vladykina, doctor of philological sciences, professor, leading research fellow of Philological Research Department, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of RAS, Izhevsk, Russian Federation

Elena V. Godovova, doctor of historical sciences, professor of the department of Russian History, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

Leila K. Davletshina, doctor of philological sciences, academic secretary of the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation

Denis V. Davydov, doctor of historical sciences, professor of the department of sociology, political science and management, Kazan National Research Technical University named after A. N. Tupolev – KAI, Kazan, Russian Federation

Stepan V. Dzhunjuzov, doctor of historical sciences, associate professor, professor of the department of Russian history, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

Alena M. Ivanova, doctor of philological sciences, dean of the faculty of Russian and Chuvash Philology and Journalism, I. N. Ulianov Chuvash State University, Cheboksary, Russian Federation

Larisa P. Karpushina, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of art and music education, Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseyev, Saransk, Russian Federation

Baatr U. Kitinov, doctor of historical sciences, leading research fellow of the department of Oriental History, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Tatiana V. Krayushkina, doctor of philological sciences, leading research fellow, head the Center for the Cultural History and Intercultural Communications of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East FEB RAS, Vladivostok, Russian Federation

Marina V. Kutsaeva, candidate of philological sciences, research fellow of the Ural-Altai languages department, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Irina A. Likhodkina, doctor of philological sciences, associate professor of the Department of French, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Mikhail G. Matlin, doctor of philological sciences, professor of Russian language, literature and journalism department, Ilya Ulyanov State Pedagogical University, Ulyanovsk, Russian Federation

Natalya M. Mosina, doctor of philological sciences, professor of the department of English for professional communication, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation

Elena M. Napolnova, doctor of philological sciences, senior lecturer of the departments of Turkic philology of the Institute of Asian and African countries, Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russian Federation

Bailak Ch. Oorzhak, doctor of philological sciences, leading research fellow at the Tuva Institute for Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva (Kyzyl)

Arkadiy B. Pankin, doctor of pedagogical sciences, professor, head of chair, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation

Dmitriy A. Prokhorov, doctor of historical sciences, senior research fellow, associate professor of the department of documentation and archival science, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

Bahtiyor R. Rakhmanov, doctor of philological sciences, professor of the Department of World Literature of the Russian-Tajik Slavonic University of Dushanbe, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Yulia L. Sapozhnikova, doctor of philological sciences, associate professor, professor of the Department of English Language, Smolensk State University, Smolensk, Russian Federation

Alena M. Sarbasheva, doctor of philological sciences, associate professor, head of the sector of Karachay-Balkar Literature of the Institute of Humanitarian Studies – Branch of the Kabardino-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russian Federation

Liliana M. Safina, candidate of philological sciences, associate professor, head of the department of Russian Studies, Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI), Moscow, Russian Federation

Natalia Yu. Sivkina, doctor of historical sciences, associate professor of the department of history of the ancient world and the middle ages of the Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Klavdiya I. Sultanbaeva, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of preschool and special education, N.F. Katanov Khakas State University, Abakan, Russian Federation

Albina A. Temerbekova, doctor of pedagogical sciences, associate professor, professor of the department of Pedagogy, Psychology and Social Work, Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russian Federation

Fatima T. Uzdenova, doctor of philological sciences, senior research fellow at the Institute of Humanitarian Studies – Branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russian Federation

Zamirakhon Kh. Ulmasova, doctor of philological sciences, professor, head of chair of Modern Tajik Literature, Khujand State University named after Academician B. Gafurov, Khujand, Republic of Tajikistan

Svetlana N. Fyodorova, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of methodology and management of educational systems, Mari State University, honoured educator of the Mary-El Republic, Yoshkar-Ola, Russian Federation

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the department of humanities and socio-economic disciplines, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

Zarifa B. Tsallagova, doctor of pedagogical sciences, leading research fellow of the Caucasus Department of PPFIS Order of Peoples' Friendship "The Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (IEA)", Moscow, Russian Federation

Tamara U. Elbuzdukaeva, doctor of historical sciences, first deputy general director, Museum of the Chechen Republic, head of department of the history of the peoples of the North Caucasus of the Institute of Humanitarian Studies of the Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russian Federation

Alfiya Sh. Yusupova, doctor of philological sciences, professor of the department of general linguistics and turkology, Institute of philology and Intercultural Communication of the Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

Zhanna M. Yusha, doctor of philological sciences, lead research fellow of Laboratory of Verbal Cultures of the Peoples of Siberia and the Far East of the Institute of Philology of the SB of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation

Ekaterina A. Yagafova, doctor of historical sciences, head of the department of philosophy, history and theory of world culture, Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation

От редактора	7
--------------------	---

Языки и литературы народов мира

Научные статьи

Когнитивные метафоры и сравнения в удмуртских загадках о пчелах	8
--	----------

Т. Р. Душенкова

К вопросу о синтаксическом статусе субстантивов в русских предложениях тождества.....	13
--	-----------

Н. В. Князева

Обзорная статья

О словаре чувашских микропонимов	20
---	-----------

Д. Э. Леонтьев, Э. В. Фомин

Научная статья

Семантическое поле древесных ритуальных предметов в русском заговорно-заклинательном обряде	25
--	-----------

В. А. Москвина

Этнокультурные проблемы образования

Обзорная статья

Этнокультурная составляющая процесса обучения русскому языку китайских учащихся-филологов (уровень А0–А2)	31
--	-----------

Ш. Чжан, Л. П. Мухаммад, В. Р. Потёмкина

Обзоры и рецензии

Рецензия

Рецензия на: Лебедев Э.Е. Словообразование в чувашском языке : монография / Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2023. 211 с.....	40
---	-----------

А. М. Иванова

CONTENTS

From the editor-in-chief	7
---------------------------------------	----------

World languages and literature

Research Articles

Cognitive metaphors and comparisons in Udmurt riddles about bees	8
---	----------

Tatiana R. Dushenkova

The question of the syntactic status of substantives in Russian identity sentences	13
---	-----------

Natalia V. Knyazeva

Review Article

About the dictionary of Chuvash microtoponyms	20
--	-----------

Dmitriy E. Leontyev, Eduard V. Fomin

Research Article

The semantic field of wood ritual objects in the Russian spell rite	25
--	-----------

Veronika A. Moskvina

Ethno-Cultural Problems of Education

Review Article

Professionally oriented intercultural communication of Chinese students in Russian	31
---	-----------

Zhang Sh., Ludmila P. Muhammad, Victoria R. Potemkina

Reviews and Peer-Reviews

Review

Review of: Lebedev E. E. Word formation in the Chuvash language : monograph / Cheboksary : Chuvash State Institute of Humanities	40
---	-----------

Alena M. Ivanova

Дорогие авторы и читатели!

Дорогие авторы и читатели!

В новом выпуске нашего журнала опубликованы статьи, посвященные различным вопросам истории, языка, культуры и образования.

Традиционно мы публикуем результаты исследований, основанных на междисциплинарных связях. Так, коллектив авторов из Китая и России – Чжан Шаньчжи, Л. П. Мухаммад, В. Р. Потёмкина – в работе, написанной на стыке лингводидактики, антропологии, психолингвистики и педагогики, предлагают к обсуждению инвариантную модель профессионально ориентированной учебной межкультурной коммуникации с включением в неё этнокультурно заданного компонента.

В разделе «Фольклористика» размещена статья В. А. Москвиной, посвященная одному из аспектов русской заговорной традиции: использованию в ритуальной практике разного типа растительных предметов, особенностей их вербального воплощения. Она, несомненно, будет интересна как фольклористам, работающим на материале заговоров, сказок, так и этнографам, специалистам по восточным славянам.

К проблеме изучения богатства культурного наследия с когнитивных и культурологических позиций относится статья Т. Р. Душеновой, представляющее актуальное исследование антропоцентрического характера, материалом для которого послужили удмуртские загадки о пчёлах.

В статье Н. В. Князевой исследуется важный и актуальный для современного общества языковой материал. Автор рассматривает активно функционирующие в современном русском языке безглагольные построения. Работа заслуживает внимания современных синтаксистов.

Редакция и редколлегия выражают искреннюю благодарность всем внешним экспертам журнала, которые поделились своим профессиональным мнением о публикуемых материалах.

Дорогие читатели, авторы и рецензенты! Редакционный совет, научный коллектив и руководство Чувашского государственного института культуры и искусств желают вам крепкого здоровья, новых научных открытий и творческих свершений!

Баскакова Н. И.,

ректор Чувашского государственного института культуры и искусств,
кандидат философских наук

A FOREWORD FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Dear authors and readers!

The new issue of our magazine contains articles devoted to various aspects of history, language, culture and education.

Traditionally, we publish the results of research based on interdisciplinary links. Thus, in their paper written at the intersection of linguodidactics, anthropology, psycholinguistics, and pedagogy, a team of authors from China and Russia – Chzhan Shan'chzhi, Ludmila P. Muhammad, and Victoria R. Potemkina – suggest an invariant model of professionally oriented educational intercultural communication with the inclusion of an ethno-cultural component.

In the „Folkloristics” section there is an article by Veronika A. Moskvina, devoted to one of the aspects of the Russian incantatory tradition: the use of different types of plant objects in ritual practice and the peculiarities of their verbal embodiment. It will undoubtedly be of interest both to folklorists working on the material of incantations and fairy tales, and to ethnographers, specialists in Eastern Slavic nature.

Tatiana R. Dushenkova's article is dedicated to the problem of studying the cultural heritage richness from cognitive and culturological positions. It is a relevant research of anthropocentric nature, the material for which includes Udmurt riddles about bees.

The article by Natalia V. Knyazeva studies the linguistic material that is important and relevant for modern society. The author considers verbless constructions which are actively used in contemporary Russian language. The work deserves the attention of modern syntacticians.

The editorial staff and editorial board express their sincere gratitude to all external experts of the magazine who shared their professional opinion on the published materials.

Dear readers, authors and reviewers! The Editorial Board, scientific staff and the Chuvash State Institute of Culture and Arts leadership wish you good health, new scientific discoveries and creative achievements!

Natalia I. Baskakova,

rector of the Chuvash State Institute of Culture and Arts,
candidate of philosophical sciences

Когнитивные метафоры и сравнения в удмуртских загадках о пчелах

<https://doi.org/10.31483/r-109039>

УДК 811.511.131:398.61

Душенкова Т. Р.

Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук
г. Ижевск, Российская Федерация.

 <https://orcid.org/0000-0002-2514-7143>, e-mail: dushenkovatr@mail.ru

Резюме. Работа посвящена рассмотрению загадок о пчелах в удмуртской языковой культуре. Статья ставит целью изучение сравнений и метафор, а также анализ образа насекомого в загадках. Материалом послужили загадки, нашедшие отражение в специальных фольклорных изданиях и лексикографических источниках. В ходе анализа использовались лингвокультурологический, семантический, этимологический, концептуальный методы. В результате исследования выявлено, что образ пчелы в загадках представлен в виде сложных метафор, сравнений и эвфемизмов. Пчела и улей в удмуртской культуре раскрываются в разных категориях. Улей чаще всего соотносится с домом, ямой и сьюльком (женским головным убором). Звуки, издаваемые пчелой и пчелиной семьей, сравниваются с плачем младенца, скулением собаки, рычанием мотора. Сама пчела или пчелиная семья народной фантазией ассоциируется с невесткой, которой горестно расставание с родителями и с ожиданием тягот в новой семье. Для загадок о пчелах характерно сравнение с огромным количеством народа или со стадом овец. В количественном соотношении звук или гул пчелиного улья соотносится с сотней или тысячей. Наряду с плачем вылет пчел из улья сравнивается с просеиванием муки. В сказках также нашло отражение умение пчелы жалить, строить соты, делать мед.

Ключевые слова: сравнение, метафора, удмуртский язык, загадка, пчела.

Для цитирования: Душенкова Т. Р. Когнитивные метафоры и сравнения в удмуртских загадках о пчелах // Этническая культура. 2024. Т. 6, № 1. С. 8–12. DOI 10.31483/r-109039. EDN ZANPKK

Cognitive metaphors and comparisons in Udmurt riddles about bees

Tatiana R. Dushenkova

 Udmurt Federal Research Center, Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
Izhevsk, Russian Federation.

 <https://orcid.org/0000-0002-2514-7143>, e-mail: dushenkovatr@mail.ru

Abstract. The work is devoted to the consideration of riddles about bees in the Udmurt linguistic culture. The article aims to study comparisons and metaphors, as well as analyze the image of an insect in riddles. The material was riddles reflected in special folklore publications and lexicographic sources. During the analysis, linguoculturological, semantic, etymological, and conceptual methods were used. As a result of the study, it was revealed that the bee in riddles is presented in the form of complex metaphors, comparisons and euphemisms. The bee and the hive in Udmurt culture are revealed in different categories. The hive is most often associated with a house, a pit and a syulyk (a woman's headdress). The sounds made by a bee and a bee colony are compared to the crying of a baby, the whining of a dog, or the growling of a motor. The bee itself or the bee family is associated in popular fantasy with a daughter-in-law, who is sad about parting with her parents and expecting hardships in the new family. Riddles about bees are typically compared to a huge number of people or a flock of sheep. In quantitative terms, the sound or hum of a beehive corresponds to a hundred or a thousand. Along with crying, the flight of bees from the hive is compared to sifting flour. Fairy tales also reflect the bee's ability to sting, build honeycombs, and make honey.

Keywords: comparison, metaphor, Udmurt language, riddle, bee.

For citation: Dushenkova T. R. (2024). Cognitive metaphors and comparisons in Udmurt riddles about bees. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 6(1), 8–12. EDN: ZANPKK. <https://doi.org/10.31483/r-109039>.

Введение

Настоящая работа представляет актуальное исследование в рамках антропоцентрического знания о мире. Анализ загадочно-когнитивных культурологических позиций объясняет метафорическое устройство загадки как знака языка и культуры.

В традиционных загадках отражены исходные представления о мироустройстве¹. Они участвуют в формировании у детей взгляда на окружающий мир. Загадывание очень важно для

1 «...Мифы постепенно превращались в народный героический эпос и сказки, ритуал загадывания космогонических загадок – в состязание находчивости, остроумия, словесной бойкости и, в конце концов, стал развлечением, детской забавой...» [Мечковская Н. Б. Язык и религия : лекции по филологии и истории религии : учебное пособие. Москва : Агентство «Файр», 1998. С. 87].

воспитания у малышей и детей младшего школьного возраста пытливости ума, находчивости и сообразительности. Загадка воспитывает умение мыслить, сопоставлять, анализировать, развивает воображение. При помощи загадки ребенок учится классифицировать состав мира, начинает понимать и осознавать принципы его организации [Топоров, 1994, с. 29²]. Кроме того, они выполняют воспитательную и дидактическую функции.

В народной традиции загадки загадывали в определенный период, например, на святки.

Загадывание и отгадывание их осуществляется с опорой на языковые и культурные знания. Культурная информация изначально входит в семантику

2 Топоров В. Н. Из наблюдений над загадкой // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. Москва : Индрик, 1994. С. 10–117.

загадки через разные образы, которые насыщают ее необходимым содержанием.

В загадках, как правило, дается усложненное описание одного предмета через другой. «Отгадывающим необходимо установить связь между далекими друг от друга сущностями, распознать под маской преобразованного денотата исходный денотат» [Ковшова, 2019, с. 76].

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили удмуртские загадки о пчелах, собранные путем выборки из сборников загадок и лексикографических источников³.

В качестве основного метода был избран лингвокультурологический анализ с элементами семантического, этимологического и сопоставительного подхода.

Цель статьи – рассмотреть удмуртские загадки о пчелах, задачи – выявить сравнения и метафоры в загадках, разобрать образ насекомого в контексте изучаемого жанра.

Результаты исследования и их обсуждение

В традиционной культуре удмуртов пчеловодство и борничество занимали особое место среди разных видов сельскохозяйственной деятельности. Их роль рассмотрена в работах многих ученых [Никитина, 1991⁴; Владыкин, 1994⁵; Верещагин, 1886⁶; Верещагин, 1889⁷]. Большой интерес в научном плане представляет коллективная монография «Пчела и мед в народной культуре» [Пчела, 2023], в которой данная тема освещена с разных позиций. В указанной книге определяется роль пчеловодства в традиционной и современной культуре, разобран предметный мир пчеловодства, рассмотрена роль пчелы и меда в мифологии, народных представлениях, текстах, в борничьих напевах, современном искусстве и массовой культуре. Непосредственно языковой раздел монографии, связанный с лексикой пчеловодства, написан В. К. Кельмаковым [Кельмаков, 2023].

Разные языковые единицы (фразеологизмы, сравнения, метафоры) и фольклорные тексты (загадки, детские заклички) зафиксировали, сохранили и донесли до настоящего времени многообразие древних представлений удмуртов о пчелах и всего того, что с ними связано. В загадках образ насекомого зашифрован в виде когнитивных метафор и сравнений.

В традициях многих народов пчела является наиболее почитаемым насекомым. У марийцев *мўкш* ‘пчела’ –

3 Удмуртский фольклор: загадки / составитель Т. Г. Перевозчикова. Ижевск : Удмуртия, 1982. 254 с.; Удмуртско-русский словарь. Ижевск, 2008. 925 с.

4 Никитина Г. А. Пчеловодство у удмуртов в конце XIX – начале XX века // Хозяйство и материальная культура удмуртов в XIX–XX веках. Ижевск, 1991. С. 87–98.

5 Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск : Удмуртия, 1994. 383 с.

6 Верещагин Г. Е. Вотяки Сосновского края. Санкт-Петербург, 1886. 218 с. (Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии ; том 14, выпуск 2.).

7 Верещагин Г. Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губ. Санкт-Петербург : Типография И. Н. Скороходова, 1889. VII, 197, [1] с. (Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии ; том 14, выпуск 3).

божественная птичка, *юмын икшыве* ‘дитя бога’⁸. Убить пчелу у них считалось большим грехом. Пчеловодам предъявляли высокие моральные требования. Жрецы раздавали им одежду и ткань на нее. Ухаживать за пчелами надо было исключительно в белой одежде. Продажа ульев на сторону осуждалась. Во время общественных, семейных и родовых жертвоприношений просили у богов благословения на пчел и изобилие меда. Пчела у марийцев – основа существования, дарованная богами.

Согласно чувашскому мифу, первоначально пчелы (*хурт*) жили в волосах бога, поэтому у некоторых растений есть ость, как жало пчелы, а другие кучно свисают, как пчелиный рой. От сглаза на улей клали череп животного, на забор – череп лошади; запрещалось разрушать улья. В жертву пчелиным богам приносили пиво и мед. У чувашей тоже действовал запрет на убийство пчелы. По их поверьям, из закопанных мертвых пчел появлялись зелень с колосьями. Одни растения были покрыты жалами, как у пчел, на других зерна были подобны рою пчел. Осенью вырастали зерна, так появлялся хлеб вместе с медом. Печь его людей научил *чёрён* ‘еж’⁹.

В башкирском фольклоре *корт*¹⁰ ‘пчела’ является не только мифологизированным насекомым, но и тотемом и покровителем. Часть башкир поклонялась пчеле.

В русских загадках пчелы описываются как незамужние девицы и монахини: *Сидят девицы в темной темнице, вяжут сетку без иглы, без нитки; Сидит монашенка, вяжет сеточку*. В русском фольклоре, связанном с пчелами, также находит выражение мотив непорочного зачатия¹¹: *Не девка, не вдова, не замужня жена, детей выводит*¹².

Не стоит забывать, что свечи из воска дают свет в церкви: *Всех людей питают и в церкви освещают*. Предметы, которыми пользуется невестка, девица, монашенка, – сито, решето, сетка, узоры – визуально напоминают пчелиные соты.

Пчела у удмуртов – символ усердия, трудолюбия, благоразумия, бережливости (ср.: *муш кадь ужась* ‘работящий, как пчела’), *муш аслыз гинэ мушкиськыны уг ужа* ‘пчела работает не только для себя’). Они связаны с позитивной энергией, символизируют нечто приятное, так как производят мед. Для человека пчелы являются положительным примером в плане организации своей деятельности. Считается, что они водятся только у добрых людей, а злых не любят.

8 Тойдыбекова Л. С. Марийская мифология : этнографический справочник. Йошкар-Ола, 2015. С. 173.

9 Чувашская мифология : этнографический справочник. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2018. С. 218).

10 Слово связано с общетюркским *qurt* ‘червь, пчела’ (см.: Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. Москва : Наука, 2010. С. 191).

11 В славянской культуре пчела наделялась женской и богородичной символикой (см.: Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 томах / под редакцией Н. И. Толстого. Москва : Международные отношения, 2009. Том. 4. С. 366–369). В ее образе русские видели чистоту, святость, девственность и безбрачие. В западноевропейской традиции пчела символизирует Деву Марию как источник всяческой сладости, в этом появляется уже эротическая символика. Медовый спас, отмечающийся в августе, – это усение Пресвятой Богородицы. Среди пчеловодческих праздников особенно почитается день зачатия св. Анны (9 / 22 декабря).

12 Славянские древности... С. 368.

Особый статус пчелы уже становился объектом научных исследований в удмуртологии [Владыкина, 2016; Ванюшев, Степанова, 2019]. Пчеле приписывались мудрость, магическая сила, которая более ни одному насекомому не присуща. Связаны они с этиологическими мифами, в которых очевидно апокрифическое начало.

Покровителями пчел у удмуртов были Верховный бог (*Инмар*), Творец (*Кылдысин*) и бог атмосферы (*Куазь*) – пчел посылающий-направляющий, пчелами повелевающий [Владыкина, 2016, с. 147]. Она считалась детищем Христа, а оса и шершень – дьявола. По одной из легенд, слезы Христа превращались в пчел, которые улетали дарить сладость [Ванюшев, Степанова, 2019, с. 109].

Пчелы в удмуртском фольклоре имеют несколько ипостасей. Во-первых, они воспринимались в качестве божьих птиц и потому в бортевых и лирических песнях изображались как *муш папа* ‘пчелиные птахи’.

Во-вторых, пчелы считались божьими созданиями, душами безгрешных людей: *сьбълыктэм папа* ‘безгрешные птахи’, *сьбълыктэм лулъёс* ‘безгрешные души’, *Инмарен сётэм сьбълыктэм муш папа, зарни мугоръёс* ‘Богом данные безгрешные пчелиные пташки, золотые тельца’, *дун папа* ‘чистые-святые птахи’, *дунсьбълыктэм папа* ‘чистые-безгрешные птахи’, *вордымтэ нуныос* ‘не нами возвращенные детки’. В ряде примеров чувствуется влияние христианской мифологии.

В бортнических песнях в зачине употребляется звукоподражание жужжанию пчелиного роя: *дон-дон-дон / дун-дун-дун* [Чуракова, 2002, с. 126¹³]. Считалось великим грехом убить пчелу ради забавы, не поощрялась купля-продажа и раздел пчел, о точном количестве пчелиных семей чужим людям не говорили [Никитина, 1991¹⁴, с. 90–91; Владыкина, 2016, с. 149].

В-третьих, душа человека могла покидать тело в виде пчелы, бабочки, мелких животных – горностая или мыши. Г. Е. Верещагиным в свое время был записан рассказ, в котором душа человека в облике пчелы вылетела изо рта охотника во время сна на привале. Его спутник наблюдал за ней. Когда пчела вернулась, а уснувший проснулся, товарищ спросил, что он видел во сне. Тот рассказал о своем путешествии. Благодаря рассказу товарищ уснувшего разбогател: пчела залетела в дупло, в котором был спрятан клад.

Другой рассказ писателя восходит к легенде «Почему у шершней и ос нет меду?». Данная легенда время от времени повторяется в творчестве автора. Таковы основы его рассказов «Легенда о Творце мира», «Легенда о Спасителе», «Загубленная жизнь», «Скоробогат-Кашей».

В языках финно-угорской группы название пчелы так или иначе созвучно: удм. *муш* ‘пчела’, коми *муш*: *малямуш*¹⁵ ‘медоносная пчела’. В основе слово заимствовано в общий финно-угорский период из древних индоиранских языков¹⁶.

13 Чуракова Р. А. Бортничы песни в удмуртской фольклорной традиции // Этноязыковедение Поволжья и Урала. Ижевск, 2002. С. 124–176.

14 Никитина Г. А. Пчеловодство у удмуртов в конце XIX – начале XX века // Хозяйство и материальная культура удмуртов в XIX–XX веках. Ижевск, 1991. С. 87–98.

15 *Малямуш* – ма ‘мед’ + *муш* ‘пчела’ + *ля* – суффикс, обозначающий принадлежность, связь, зависимость (см.: Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1999. С. 169).

16 Там же.

Среди пчел выделяют *муш мумы* ‘пчелиная матка’, *зурмуш*¹⁷ ‘трутень’ или *узыри* ‘трутень’, *инмуш* ‘пчеларазведчица’, *возьмаськись муш* ‘пчела-караульщица’, *ужась муш* ‘рабочая пчела’. Кроме обычной, домашней пчелы в природе существует дикая пчела – *кыр муш*¹⁸ и *сюйын улъёс муш* ‘пчела земляная’. Особое положение занимает *Инмуш* ‘князь пчел’ (букв. небесная пчела). По качествам особей выделяют *лек* (*лекасськись*) *муш* ‘злая (сердитая) пчела (пчелосемья)’.

Особо ценится социальная жизнь пчел – *муш семья* (*улы*) ‘пчелиная семья’. Считается, что пчелосемья без матки погибает.

В удмуртском языке лексема *муш* стала продуктивным словообразовательным компонентом. Благодаря ей была образована лексика пчеловодства: *мушбам* ‘сетка (пасечника)’, *мушкан тйрлыкъёс* ‘пчеловодческий инвентарь’, *мушкуды* ‘лукошко для роя, ройник’, *мушкорка* ‘омшаник’, *мушчындон* ‘дымарь’, *мушнянь* ‘перга; хлебина’, *мушподэм* ‘улей (дуплянка)’, названия насекомых *мушбёчы* ‘хрущ’ (букв. пчелиный жук); *мушбубыли* ‘пчеловидка (бабочка)’, *мушбыдтйськыбы* ‘пчелиный волк’ (букв. жук, уничтожающий пчел); *мушкион* ‘шершень’ (букв. пчелиный волк); *мушкутьёс* ‘насекомые’, *мушитул* ‘черва, детва, личинки пчел’; орнитонимы *мушбыдтйсь* ‘щурка золотистая’ (букв. уничтожитель пчел); *мушзольгыри* ‘мухоловка’ (букв. пчелиный воробей); фитонимы *муштурын* ‘люпин многолистный; Melissa, лимонная мята’ (букв. пчелиная трава); названия напитка *мушсур* ‘пиво медовое (подслащенное медом)’, букв. пчелиное пиво; название кулинарных изделий *мушьлянь* диал. ‘сырое тесто из овсяной муки на меду; медовая лепешка’, *мушник* ‘наливные шаньги, мучник, ватрушка (с начинкой из сдобного теста)’. Для обозначения прополиса в удмуртском языке используются лексемы *мушлем* букв. пчелиный клей, *мушклея* ‘прополис; пчелиный клей’, *мушсир* букв. пчелиная смола и *удорсир* (*удур* ‘леток колодного улья’ + *сир* ‘смола’).

Можно выделить несколько образов-метафор и сравнений, которые наиболее часто встречаются в удмуртских загадках.

Когнитивные метафоры возникают в результате сдвига в сочетаемости предикатных слов (переноса значения) и создают полисемию. Когнитивный метод основан на предположении, что восприятие, язык, мышление, память, действие неразрывно связаны между собой в рамках одной общей задачи – объяснения процессов усвоения, переработки и трансформации знания, которые и определяют сущность человеческого разума создают языковую картину мира народа.

17 Коми зур: *кальбзур* ‘майский жук’. Е. С. Гуляев сравнивает слово с марийским *шуре*: *шуремъки* ‘трутень’, мордЭ. *сарь*: *сарьмаш*, мордМ. *сар*: *сармеш* тж.

18 Удмуртский поэт-постмодернист П. Захаров опубликовал два сборника стихов с «пчелиными» названиями: «Карас: песни удмуртского шамана» (2010) и «Кыр муш» («Дикая пчела») (2015). Первый сборник построен наподобие пчелиных сот, актуализирует понятие *мед поэзии*. Стихи эзотеричны и раскрывают тайные шаманские знания. Второй сборник отличается резкими суждениями автора, колкими замечаниями. В природе *кыр муш* ‘дикая пчела’ отличается своей агрессивностью и представляет большую опасность для человека. Такими же получились и стихи поэта.

Целостный образ пчелы в удмуртских загадках создается сплетением многих признаков. Например, множественности. Пчелы метафорически сближаются со стадом. Как правило, множественность обозначается словами *сто* и *тысяча*. Ими могла быть обозначена отара или скопление людей: *Одйг гидын сюрс ыж* 'В одном хлеву тысяча овец'; *Пёчи гинэ коркан олоко́ня сюрс калыкез* 'В малюсеньком домике несколько тысяч человек'; *Одйг коркан сю бабай бордэ* 'В одной избе сто стариков плачет'. *Одйг сюлыкын сюрс ичимень. Со ма луо?* 'В одном сюлыке тысяча снох. Что это?'

Ко всему прочему, множественность пчел соотносится с песком, звездами, снегом, каплями дождя, слезами, искрами огня. Символ множественности в данных примерах выражен через отару, большое количество народа, что совсем неудивительно. Каждый знает, что в улье находится множество пчел, и только благодаря дружной, слаженной работе держится и кормится вся семья.

С другой стороны, в образе пчелы находит отражение плач и вой. Звуки, которые издают пчелы, похожи на скуление собаки (*Пичи коркан пуны бордэ* 'В маленькой избушке собака скулит'), плач ребенка или старика (*Пеймыт коркан вож нылпи бордоз* 'В темной избушке ребенок плачет', *Одйг коркан сю бабай бордэ* 'В одной избе сто стариков плачет'). Звуки пчелиной семьи воспринимаются человеческим слухом как единое целое, иногда вызывают тревожные и настораживающие мысли, говорят об опасности.

Вместе с тем с пчелиным гулом ассоциируется плач невестки. Девушку часто могли выдать замуж не по своей воле, иногда ее умыкали. Невеста могла сокрушаться о своей доле: *Пеймыт коркан (сэргын, кенсын) виль кен бордэ* 'В темной избе (в углу, клетки) молодушка плачет'; *Одйг сюлыкын сюрс ичимень. Со ма луоз?* 'В одном сюлыке тысяча снох. Что это?' В данном случае помещение – дом или клеть – обозначается частью головного убора замужней женщины, состоящий из айшона и особым образом накинутаго платка-сюлька. В таком виде он схож с ульем, выдолбленным из ствола дерева.

Обязанности невестки – выполнять хозяйственную работу: *Пеймыт сэргын виль кышно пужнйське* 'В темном углу молодушка муку просеивает'; *Пеймыт коркан си пуж керттэ* 'В темной избушке сито вяжет'; *Пеймыт коркан кенак пуж керттэ* 'В темной избушке женщина решето плетет' (ср. в марийской загадке девушка-пчела вышивает узоры: *Изи шужарем йудишочекыже турым турла* 'Сестренка моя днем и ночью вышивает узоры').

Образ пчелы в удмуртском фольклоре неизменно сопровождает птичья символика: *инмар папа* 'божья пташка'. В бортевых и некоторых лирических песнях пчелы изображались как *муш папа* 'пчелиные птахи', *сьдлыктэм папа* 'безгрешные птахи', *сьдлыктэм дульёс* 'безгрешные души', *инмарен сётэм сьдлыктэм муш папа* 'богом данная безгрешная пчелиная пташка', *зарни мугорьёс* 'золотые тельца', *дун папа* 'чистые-святые птахи', *дунсьдлыктэм папа* 'чистые-безгрешные птахи', *вордымтэ нуныос* 'не нами возвращенные детки',

для ср.: белорусы обращаются к пчеле, как к божьей пташке или райским пташкам; в русской традиции ее также называют божьей тварью, божьей угодницей. Поляки полагали, что убить пчелу – большой грех. Ими всегда отмечалась посредническая роль пчелы между богом и дьяволом, земным и небесным. Поляки считали, что у пчелы есть душа, верили, что она жалит только грешников, что гром никогда не бьет в улей, что дьявол никогда не ест меда и не терпит запах воска.

В удмуртской загадке *Пёчи гинэ тылобурдо вань музъемез ортчоз* 'Маленькая птичка всю землю облетит' пчела приравнивается птице: они обе имеют крылышки и умеют летать.

Пчелы в удмуртской культуре могут сравниваться с разными животными, которые могут нанести вред. Так, они метафорически сближаются со змеей и рогатым скотом: *Мотор ёвёл – гурла, пилот ёвёл – лоба, кый ёвёл – лека* 'Не мотор – гудит, не пилот – летает, не змея – жалит'; *Сюрыз ке но ёвёл – лекаське* 'Рогов нет – бодается'; *Муртэ виыны турттытозь, ачиз кулэ* 'Пока другого убить пытаются, сама погибает'; *Котьмалэсь ческыт, леказ ке – бордытэ* 'Сама сладкая, ужалит – плакать заставит'.

Жало пчелы – острый предмет, подобный игле, топору, стреле: *Пужъятымтэ пужы чебер, шерымтэ вень (тйр) лэчыт* 'Невышитый узор красив, неточная игла (топор) остра'. *Пужъятымтэ пужы чебер, шерымтэ вень (тйр) лэчыт* 'Невышитый узор красив, неточная игла (топор) остра', ср.: в башкирском мифологическом словаре Ф. Г. Хисамитдиновой *корт угы* – жало, мифическая стрела пчелы, с помощью которой она наносит вред здоровью человека¹⁹.

В удмуртских загадках имеются тексты о полете пчелы: *Мыноз, мыноз – пытьез уз лу.* 'Идет, идет – следов нет'. Похожую загадку могли загадать и о других явлениях природы, например, о солнце и луне: *Мыноз, мыноз – пытьез уз кылы* 'Идет, идет – следов нет' (солнце); *Мыноз, мыноз – вужерез уз лу* 'Идет, идет – тени нет' (луна).

Удивительная способность насекомых делать соты давала фантазию сравнивать их работу с женским трудом: *Пеймыт коркан си пуж керттэ* 'В темной избушке сито вяжет'; *Пеймыт коркан кенак пуж керттэ* 'В темной избушке женщина решето плетет'.

Выводы

Загадки являются своеобразными экспонентами культурно-исторической информации. В их образной семантике хранятся архетипы, мифологемы, символы, эталоны, стереотипы, которые придают культурно-смысловую емкость этим коротким игровым произведениям фольклора.

Пчела в удмуртских загадках представлена в виде сложных метафор, сравнений, эвфемизмов. Пчела и улей у удмуртов раскрываются в разных категориях. Улей чаще всего соотносится с домом, ямой и сюльком. Сама пчела ассоциируется с невесткой, которой горестно расставание с родителями и переезд в новую семью. Кроме того, для загадок о пчелах

¹⁹ Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. Москва : Наука, 2010. С. 192.

характерно сравнение с огромным количеством народа или со стадом овец. В количественном отношении гул пчелиного улья соотносится с числом сто или тысяча. Пчела издает звуки, которые сравниваются с рычанием мотора, плачем младенца, скулением собаки. Наряду с плачем, вылет пчел из улья сравнивается и с просеиванием муки.

Особое значение имеет умение пчелы жалить, строить соты, делать мед, что также нашло отражением в загадках.

Исследование образа пчелы в загадке через сравнения, метафоры и символы раскрывает семантику фольклорно-языковой картины мира удмуртов.

Сокращения

Диал. – диалектизм, мордМ. – мокша-мордовский язык, мордЭ. – эрзя-мордовский язык, удм. – удмуртский язык, фин. – финский язык, чув. – чувашский язык, эст. – эстонский язык.

Список литературы

Ванюшев В. М., Степанова Т. С. «Легенда о пчеле» в творческих исканиях Г. Е. Верещагина // Историко-культурное наследие Урало-Поволжья. 2019. №2. С. 109–114. EDN [MNQNGS](#)

Владыкина Т. Г. Пчела в фольклоре и мифоритуальной практике удмуртов // Традиционная культура: научный альманах. 2016. №4. С. 147–158. EDN [XBHQMP](#)

Кельмаков В. К. Пчела и мед и их названия как составные элементы гуманитарной культуры удмуртов // Пчела и мед в народной культуре. Ижевск, 2023. С. 287–319.

Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: антропонимический код культуры. Москва : URSS, 2019. 396 с. EDN [BKRGSM](#)

Пчела и мед в народной культуре: коллективная монография / сост. и отв. ред. Е. В. Попова ; Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук. Ижевск, 2023. 632 с. EDN [XDRZFE](#)

References

Vaniushev, V. M., & Stepanova, T. S. (2019). “The Bee Legend” in Artistic Explorations of G. E. Vereschagin. *Istoriko-kul'turnoe nasledie Uralo-Povolzh'ia*, 2, 109-114. EDN: [MNQNGS](#)

Vladykina, T. G. (2016). The Bee in Udmurt Folklore and Mytho-Ritual Practice. *Traditional Culture*, 4, 147-158. EDN: [XBHQMP](#)

Kel'makov, V. K. (2023). Bee and honey and their names as components of the humanitarian culture of the Udmurts. *Bee and honey in folk culture*, 287-319. Izhevsk.

Kovshova, M. L. (2019). The analysis of idioms, riddles and proverbs from the perspective of language and culture studies. *Anthropomonical culture code.*, 396. Moscow: URSS. EDN: [BKRGSM](#)

Popova, E. V. (2023). Bee and honey in folk culture., 632. Izhevsk. EDN: [XDRZFE](#)

Информация об авторе

Душенкова Татьяна Рудольфовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, г. Ижевск, Российская Федерация;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2514-7143>;
e-mail: dushenkovatr@mail.ru

Information about the author

Tatiana R. Dushenkova – Cand. Sci. (Phil.), senior research fellow, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2514-7143>;
e-mail: dushenkovatr@mail.ru

Поступила в редакцию 22.11.2023
Принята к публикации 25.03.2024
Опубликована 27.03.2024

Received 22 November 2023
Accepted 25 March 2024
Published 27 March 2024

К вопросу о синтаксическом статусе субстантивов в русских предложениях тождества

<https://doi.org/10.31483/r-110159>

УДК 372.881.161.1

Князева Н. В.

Тихоокеанский государственный университет
г. Хабаровск, Российская Федерация. <https://orcid.org/0000-0002-7552-0911>, e-mail: natknaz@mail.ru

Резюме. Статья посвящена многоаспектному описанию отдельных типов бисубстантивных предложений характеризующей семантики для решения сложных вопросов синтаксического анализа, вызванных морфологической идентичностью словоформ предикативного минимума. В связи с чем настоящее исследование имеет теоретический и практико-ориентированный характер, призвано решить две взаимообусловленные задачи: выявить структурно-семантические и коммуникативные особенности конструкций, предложить методические рекомендации для синтаксического анализа предложений. Материалом для исследования послужила современная художественная литература, а именно: авторская подборка соответствующих контекстов, которые используются на практических занятиях с обучающимися как материал для выработки навыков синтаксического анализа. На основе аналитико-описательного метода анализа языкового материала и результатов ориентирующего и обучающего эксперимента в ходе работы со студентами-филологами определены проблемные зоны синтаксического анализа конструкций, сформулированы выводы рекомендательного характера: синтаксический анализ бисубстантивных предложений должен включать не только традиционные структурно-семантические параметры, но и характеристику семантической структуры и коммуникативной организации высказываний, учитывать контекстуальную обусловленность, стилистические и прагматические факторы их реализации. Синтаксические явления необходимо рассматривать с функциональной точки зрения на всех этапах и уровнях обучения синтаксису современного русского языка.

Ключевые слова: синтаксис, семантическая структура, сказуемое, подлежащее, методика преподавания русского языка, предложения тождества, бисубстантивное предложение, коммуникативная организация предложения, синтаксический анализ предложения, субстантив.

Для цитирования: Князева Н. В. К вопросу о синтаксическом статусе субстантивов в русских предложениях тождества // Этническая культура. 2024. Т. 6, № 1. С. 13–19. DOI 10.31483/r-110159. EDN LPPJIK

The question of the syntactic status of substantives in Russian identity sentences

Natalia V. Knyazeva

 Pacific National University
Khabarovsk, Russian Federation. <https://orcid.org/0000-0002-7552-0911>, e-mail: natknaz@mail.ru

Abstract. A multi aspect study of bisubstantive sentences of characterizing semantics is necessary to solve complex problems of syntactic analysis. The grammatical specificity of bisubstantial sentences lies in the morphological identity of the predicative minimum. The study has theoretical and practical tasks: identify the structural, semantic and communicative organization of sentences, propose methodological recommendations for syntactic analysis of sentences. The material of the study is modern literature. Analytical and descriptive methods are used to analyze the linguistic material. The problems of teaching syntactic analysis of sentences are identified through experimental methods. The main conclusions of the study: syntactic analysis of bisubstantial sentences should consist of traditional structural and semantic parameters, roles and functions in the semantic structure and communicative organization of a sentence, take into account context, stylistic and pragmatic factors. Syntactic phenomena should be studied from the functional position at all stages and levels of teaching syntax of the modern Russian language.

Keywords: subject, semantic structure, syntax, methodology of teaching Russian language, identity sentences, bisubstantive sentence, communicative organization of a sentence, sentence syntax analysis, substantive, predicate.

For citation: Knyazeva N. V. (2024). The question of the syntactic status of substantives in Russian identity sentences. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 6(1), 13–19. EDN: LPPJIK. <https://doi.org/10.31483/r-110159>.

Введение

В синтаксической системе современного русского языка простые монопредикативные конструкции представлены преимущественно глагольными типами, наряду с которыми регулярно функционируют построения без спрягаемого глагола, или «предложения с морфологической невыраженностью зависимости сказуемого от подлежащего» [Коняшкин, 2020, с. 513]. Подобные синтаксические единицы могут быть описаны на уровне структурных схем предложений (концепция Н. Ю. Шведовой¹) как N1-N1, Inf-Inf, N1-Inf

и др. Особое строение и семантика конструкций противопоставляет их предложениям с формально выраженным предикативным отношением N1-Vf.

В ряде публикаций последних лет осуществляется исследование структурно-семантических и функциональных свойств конструкций. В частности, В. В. Корнева предлагает сопоставительный анализ инфинитивных предложений в русском и испанском языках [Корнева, 2020], А. М. Коняшкин описывает аналитическую структуру сказуемого в биинфинитивных предложениях [Коняшкин, 2020], Ю. А. Федорова выявляет функции инфинитива в инфинитивно-субстантивных предложениях [Федорова, 2022].

¹ Русская грамматика. Том 2. Синтаксис / под редакцией Н. Ю. Шведовой. Москва : Наука, 1980. 710 с.

К безглагольным синтаксическим конструкциям, не имеющим в своем составе спрягаемого глагола, можно отнести предложения, предикативное ядро которых содержит два субстантива в именительном падеже без вербализованного связочного элемента между ними, типа *Москва – столица*. Предложения с двумя параллельными формами существительных в именительном падеже называются предложениями тождества, биноминативными, или бисубстантивными, или тавтологическими в самом широком грамматическом смысле. Подобные конструкции давно находятся в поле зрения исследователей, начиная с классических трудов по грамматике А. М. Пешковского² и А. А. Шахматова [Шахматов, 2014], их описание предложено в академических грамматиках русского языка, например, в издании 1980 г. под редакцией Н. Ю. Шведовой³. Продолжающиеся публикации последних десятилетий демонстрируют актуальность данной проблематики, как правило, в исследованиях предлагается описание структурно-семантических, функциональных особенностей предложений, например, в работах Н. А. Герасименко⁴ осуществляется многоаспектное описание бисубстантивных предложений, статья А. В. Пряникова посвящена анализу субстантивных предикатов [Пряников, 2012], А. А. Герасимова определяет критерии классификации русских биноминативных клауз, основанных на соотношении денотативного статуса именных компонентов и актуального членения [Герасимова, 2022].

Таким образом, описанию бисубстантивных предложений посвящено достаточное количество синтаксических исследований, однако некоторые проблемы нуждаются в более глубоком рассмотрении. Например, актуальным представляется решение вопросов методологического характера, вызванных сложными, дискуссионными положениями синтаксической теории. Многолетний опыт преподавания курса «Синтаксис современного русского языка» для филологического и педагогического профилей бакалавриата и специалитета, работа в рамках курсов повышения квалификации учителей русского языка и литературы позволяет выделить наиболее проблемные зоны в области синтаксического анализа языковых единиц. Как правило, подобные методологические проблемы напрямую соотносятся с теорией языка: сложные, дискуссионные вопросы синтаксической теории не могут быть сведены к какой-либо однозначной трактовке. Далеко не все факты языка могут быть однозначно интерпретированы с точки зрения традиционного структурно-семантического направления, более того, зачастую вообще невозможно предложить какого-либо решения вне многоаспектного подхода, учитывающего коммуникативную организацию и семантику конструкций. В связи с чем в рамках данного исследования используется широкое понятие «синтаксический статус» членов предикативного ядра, под которым понимается ряд взаимообусловленных функций и ролей компонентов предикативного минимума предложения в традиционном грамматическом

(синтаксическом) членении, актуальном членении предложения-высказывания, логико-семантической структуре предложения.

Синтаксический анализ предложений с нулевой связкой, реализующих схему N1-N1, регулярно вызывает затруднения у обучающихся разного уровня подготовки, особенно в условиях экспрессивного словорасположения или окказионально-авторского соотнесения субстантивов. Традиционные рекомендации по синтаксическому анализу простого предложения и в школьной практике⁵, и в вузовском курсе⁶ на первом этапе предлагают так называемый разбор по членам предложения, потом – типологическую характеристику (двусоставные / односоставные, распространенные / нераспространенные и т. п.) в рамках традиционного структурно-семантического направления. Базовое исходное требование – выявление грамматической основы (главных членов: подлежащего и сказуемого в двусоставном предложении). Безусловно, наличие в предложении номинатива (N1) и спрягаемой формы глагола (Vf) снимает проблему определения подлежащего и сказуемого, так как форма именительного падежа – это первичная морфологизированная форма для подлежащего: «... подлежащее одновременно получает две характеристики: по значению и по форме – это субъект, но не лобой, а выраженный именительным падежом имени»⁷, а спрягаемый глагол всегда сказуемое: «Что касается личных глаголов, то они однофункциональны, то есть всегда являются сказуемыми. Осознание этого – важный этап в усвоении синтаксической системы русского языка»⁸, однако, как справедливо замечает Н. В. Иосилевич, «в предложениях с формально не выраженной предикативной связью главных членов сказуемое не имеет собственных материальных показателей этой связи» [Иосилевич, 2014, с. 162]. Действительно, определение функций главных членов предложения в условиях их одинаковой грамматической оформленности и отсутствия связки вызывает известные трудности, связанные как с идентификацией главных членов, так и, во-первых, определением типа сказуемого, во-вторых, установлением объема, границ и роли главных членов в коммуникативной и семантической организации высказывания. Первая проблема решается главным образом в рамках школьного курса русского языка при изучении типов сказуемого, в частности, составного именного сказуемого, и отработке навыков пунктуационного анализа (правило постановки тире между подлежащим и сказуемым при нулевой связке). Например, в учебнике С. Г. Бархударова⁹ в параграфах 17 и 18 соответственно. Решение второй проблемы, связанной с вопросами информативной достаточности / недостаточности членов предложения,

5 Бархударов С. Г., Крючков С. Е., Максимов Л. Ю. и др. Русский язык : 8 класс : учебник. 2-е издание. Москва : Просвещение, 2020. С. 259.

6 Бабайцева В. В., Николина Н. А., Печникова В. С., Чеснокова Л. Д. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц. Часть 2 : Морфология. Синтаксис / под редакцией Е. И. Дибровой. Москва : Академия, 2001. С. 442.

7 Новиков Л. А., Зубкова Л. Г., Иванова В. В. и др. Современный русский язык. Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис. 2-е издание / под общей редакцией Л. А. Новикова. Санкт-Петербург : Лань, 1999. С. 621.

8 Озерская В. П. Изучение морфологии на синтаксической основе : пособие для учителей. Москва : Просвещение, 1978. С. 71.

9 Бархударов... С. 85–91.

2 Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Москва : Языки славянской культуры, 2001. 544 с.

3 Русская грамматика... С. 278–289.

4 Герасименко Н. А. Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование. Москва : Московский государственный областной университет, 2012. 290 с.

обязательности / факультативности синтаксической связи, валентности предиката, семантическими ролями актантов и т. п., требует более высокого уровня подготовки, так как должно опираться не только на грамматические, но и лексико-семантические критерии, то есть на многоаспектный подход к языковым явлениям, который в разной степени реализован в современной учебной литературе для высшей школы.

Помимо грамматической специфики, определенные типы бисубстантивных предложений характеризующей семантики отличает особая смысловая насыщенность, емкость содержания, которая в сочетании с краткостью, компактностью структуры приводит к появлению идиоматичности. Это иллюстрируют, например, такие выражения, как *Сказка – ложь, да в ней намек; Молчание – золото*. Очевидная метафоризация предикативного минимума вызывает необходимость рассматривать подобные предложения в рамках фразеологизированных структур (по терминологии Н. Ю. Шведовой¹⁰), синтаксический анализ которых более сложен, чем предложений, реализующих свободные модели.

В связи с этим считаем, что актуальность проблематики определяется как сложностью самого объекта изучения, так и необходимостью разработки методических подходов, позволяющих в рамках языкового анализа определять синтаксический статус субстантивных членов предикативного ядра с большей степенью объективности. Таким образом настоящее исследование имеет теоретический и практико-ориентированный характер и призвано решить две взаимообусловленные задачи: во-первых, выявить структурно-семантические и коммуникативные особенности отдельных типов биноминативных предложений оценочной характеризующей семантики, которые являются причиной возникновения проблем при определении синтаксического статуса субстантивов – членов предикативного ядра; во-вторых, предложить методические рекомендации для синтаксического анализа бисубстантивных предложений, основанные на многоаспектном подходе к языковым явлениям.

Указанные задачи определяют научную новизну исследования, которая заключается в описании отдельных типов бисубстантивных предложений оценочной характеристики на базе многоаспектного подхода для решения сложных вопросов синтаксического анализа.

Практическая значимость исследования заключается в том, что поиск решения указанных задач позволит отказаться от механического следования рекомендациям самого общего характера, продемонстрирует необходимость многоаспектного подхода к синтаксическому анализу языковых единиц, что в конечном счете даст возможность осуществлять объективную идентификацию и квалификацию фактов языка на различных этапах и уровнях обучения.

Материалы и методы исследования

Объектом исследования являются бисубстантивные предложения оценочной характеризующей семантики, регулярно функционирующие в современных контекстах различной стилистики, преимущественно

художественной. Материалом исследования послужили предложения характеризующей семантики, построенные по схеме N1-N1, которые используются на практических занятиях с обучающимися как материал для выработки навыков синтаксического анализа.

Методология исследования определяется поставленными задачами: многоаспектный анализ синтаксических конструкций опирается на аналитико-описательный метод с элементами трансформационного анализа; для выявления проблемных зон обучения и разработки методических рекомендаций используются методы ориентирующего и обучающего эксперимента.

Результаты исследования и их обсуждение

Предложения, реализующие структурную схему, представленную в терминах словоформ как N1-N1, отличаются от других синтаксических типов предикативных единиц своей морфологической основой. Субъектно-предикатное отношение в подобных предикативных единицах выражается через связь существительных и противопоставляет данную конструкцию базовой глагольной структуре N1-Vf. Однако главную грамматическую специфику бисубстантивных предложений, определяющую сложность, подчас вариативность синтаксического анализа, мы видим в идентичности словоформ, составляющих предикативный минимум и соответственно выражающих субъектно-предикатное отношение, то есть то, что и субъект-подлежащее, и предикат-сказуемое имеют форму именительного падежа. Таким образом, главное, что делает бисубстантивные предложения особой структурой – это неразличение на морфологическом уровне подлежащего и сказуемого, «морфологическая необозначенность» предикативной функции: N1 – это и подлежащее (что закономерно), и сказуемое (что не соответствует общему принципу организации формальной модели простого предложения). Именно этот признак – идентичность словоформ, формирующих предикативное ядро, делает данный тип предложений острым вопросом синтаксической теории и методологии, определяющей подходы к синтаксическому анализу конструкций.

Общие рекомендации по синтаксическому членению биноминативного предложения, а именно выделению главных членов, опираются на порядок компонентов N1-N1, который по сути отражает актуальное членение предложения в пределах объективного, или нейтрального словорасположения: первое имя – подлежащее, второе имя – сказуемое: «В констатирующе-независимых предложениях подлежащее-тема во всех случаях предшествует сказуемому- реме»¹¹. Действительно, в условиях нейтрального, стилистически не маркированного словорасположения большая часть предложений, реализующих схему N1-N1, демонстрирует идеальную структуру простого двусоставного предложения: первое имя является субъектом в семантической структуре, темой высказывания при актуальном членении и подлежащим при грамматическом членении предложения; второе имя – предикат, рема, сказуемое. Однако схема N1-N1 охватывает широкий и

10 Русская грамматика... С. 383.

11 Русская грамматика... С. 287.

разнообразный круг регулярных языковых употреблений, синтаксический анализ которых вызывает трудности, связанные с грамматическими и семантическими особенностями компонентов схемы. К концу прошлого века был опубликован ряд работ по данной проблематике, названия которых отражают суть проблемы, например, статья Л. П. Старосельцева «Об одном приеме обнаружения подлежащего и сказуемого в предложениях тождества»¹² или работа Е. В. Падучевой, В. А. Успенского «Подлежащее или сказуемое (семантический критерий различения подлежащего и сказуемого в биноминативных предложениях)»¹³. Считаем, что при определении синтаксического статуса членов предикативного ядра N1-N1 необходимо опираться не только на традиционно рекомендуемый порядок компонентов, но и учитывать роль субстантивов в актуальном членении предложения и их семантику. Более того, синтаксический анализ, претендующий на достоверность, очевидно должен учитывать прагматические факторы, контекст. Как показывает опыт практической работы со студентами, наибольшие затруднения возникают тогда, когда к анализу привлекаются стилистически маркированные языковые употребления. Эмоционально-экспрессивная окрашенность, образность, метафоричность, проявляющиеся на уровне конструкций, нарушают привычные схемы, «грамматические стандарты». Подобные факты требуют более глубокого анализа, базирующегося на знаниях, полученных при изучении предшествующих разделов курса русского языка, в первую очередь, лексикологии и морфологии.

Языковая семантика предложений, реализующих схему N1-N1 («отношение между субъектом и его предметно представленным предикативным признаком»¹⁴), конкретизируется частными типовыми значениями, которые описаны в целом ряде упомянутых выше работ, а также в других изысканиях¹⁵, в том числе в диссертационном исследовании автора¹⁶. Для решения задач данного исследования считаем оптимальным опираться на наиболее широкую классификацию логико-синтаксических типов простого предложения Н. Д. Арутюновой, один из которых (самый объемный и разнообразный) определяется как «характеризующий»: отношения характеристики соотносят предмет с признаком (в широком смысле), то есть «...устанавливают контакт между денотатом имени (реальным или гипотетическим объектом) и понятием (сигнификатом), элементом мира (реальным или конструируемым) и элементом нашего мышления

12 Старосельцев Л. П. Об одном приеме обнаружения подлежащего и сказуемого в предложениях тождества // 22-е Герценовские чтения. Филологические науки. Ленинград, 1968. С. 23–28.

13 Падучева Е. В., Успенский В. А. Подлежащее или сказуемое (Семантический критерий различения подлежащего и сказуемого в биноминативных предложениях) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1979. Том 38, № 4. С. 349–360.

14 Русская грамматика... С. 279.

15 Падучева Е. В. Предложения тождества: семантика и коммуникативная структура // Язык и логическая теория. Москва, 1987. С. 152–163; Герасименко Н. А. Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование. Москва : Московский государственный областной университет, 2012. 290 с.

16 Князева Н. В. Семантико-синтаксические типы предложений с предикативным ядром N1-N1 : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01. Владивосток, 2006. 23 с.

о мире»¹⁷. Широкая семантика характеристики может проявляться в различных конструкциях и значениях, в частности иметь субстантивную форму реализации предиката и характеризующе-оценочную семантику.

Оценочная характеристика в биноминативных предложениях осуществляется различными способами, в том числе с помощью отдельной лексемы – предиката оценочной семантики за счет денотативного содержания самого имени (*преlestь, глупец* и т. п.). Субстантивные оценочные предикаты широко используются в художественной и разговорной речи для выражения положительной и отрицательной оценки различных референтов: *Книга – чудо, в ней заключена душа написавшего ее* (М. Горький); *Мне уже самому кажется, что я злодей* (Т. Устинова). При типологическом описании и анализе конструкций необходимо учитывать не только способы представления предиката, но и другого члена предикативного ядра – субъекта-носителя предикативного признака. С этой точки зрения в предложениях N1-N1 возможна предикация лица – живого субъекта (имен собственных, личных местоимений и т. п.) и не лица (конкретных, абстрактных существительных и др.), в первом случае можно говорить о личностной оценочной характеристике, во втором – о предметно-понятийной характеристике.

В личностных предложениях определение синтаксического статуса номинативов достаточно очевидно в силу референтной определенности субъекта, занимающего начальную позицию в предложении, представленного собственными именами, личными местоимениями и т. п., а также оценочной семантики второго имени: *«Галина, ты преlestь»*, – сказал Шлиппенбах (С. Довлатов); *Это было тоже смешно, однако казалось верным: сегодня с утра все люди – один большой дурак* (М. Горький); *«Ты догматик! – гаркнул он. – Талмудист и начетчик! И вообще метафизик»* (Стругацкие). Первое имя – субъект-тема-подлежащее, второе имя – предикат-рема-сказуемое. Особый интерес вызывают контексты, которые самым очевидным образом демонстрируют стилистические ресурсы языка, в таких предложениях позицию предиката-сказуемого занимают имена, совершенно не предназначенные для этой функции, например, предметные, вещественные существительные: *Ты – бревно, сухое полено!* (Д. Донцова); *Злой он, а она – кисель* (М. Горький), номинации животных: *Я сказала, что вы медведь, монстр* (А. Чехов); *Люди – свиньи, как это известно, – говорит Ситанов* (М. Горький), имена собственные: *Ты – Паганини фоторепортажа, а ты – Шекстир экономической передовицы* (С. Довлатов).

В личностных характеризующих предложениях возможна актуализация ремы (предиката-сказуемого) за счет инверсии главных членов: *«Балаболка ты»*, – рассердился Венька (П. Нилин); *Волчица ты, тебя я презираю* (И. Ильф, Е. Петров). Синтаксический анализ в условиях обратного словоупотребления требует привлечения коммуникативно-прагматических критериев: с помощью актуального членения предложения устанавливается тема (*ты*) и рема (*балаболка*) высказывания, средством выражения которого в данном случае является логическое ударение, поддерживающее нетипичное местоположение

сказуемого. Экспрессивное словорасположение субстантивов плохо выявляется обучающимися разного уровня подготовки, здесь особенно отчетливо проявляется оторванность синтаксического анализа от представления о предложении как о «живой», реальной единице общения, обладающей конкретным содержанием и реализующей конкретные коммуникативные цели: «Школьная практика показывает, что при обучении предложению на первом плане оказываются структурные свойства, так как они на поверхности. Семантические свойства предложения и коммуникативный аспект остаются без внимания»¹⁸. Потому считаем необходимым использовать специальные методические приемы, которые позволят проявить специфику языковых употреблений с обратным словопорядком: предложить обучающимся прочитать предложение вслух и воссоздать возможный контекст функционирования этого высказывания, противопоставить инверсии вариант с прямым порядком слов, то есть, используя метод трансформации, создать коммуникативную парадигму высказывания: *Красавица – она!* = рема – тема (инверсия) / *Она – красавица!* = тема – рема (нейтральный порядок). На следующем этапе анализа необходимо определить субъектно-предикатную структуру (пропозицию): одновалентный оценочно-характеризующий предикат (*красавица*) и субъектный актант (*она*). Подобная методика позволяет объективно и доказательно установить синтаксический статус номинативов на уровне членов предложения: первое имя – сказуемое, второе – подлежащее.

Однако среди личностных характеризующих предложений выделяется особая группа конструкций, для которых обратный для типовых структур словопорядок является нормой: предикат-сказуемое располагается перед субъектом-подлежащим, например: «*Горе ты мое*», – *откликнулась барышня* (С. Довлатов); «*Чучело ты мое*», – *сказала Галя* (С. Довлатов). Считаем, что предложения необходимо рассматривать в рамках фразеологизированных моделей, так как они отвечают соответствующим параметрам: наличие устойчиво воспроизводимых элементов схемы, фиксированный словопорядок, идиоматичность значения (в данном случае – негативная оценочность предиката «уходит на второй план»), реализуется другое значение, которое можно сформулировать как «примирение с отрицательными сторонами личности»), эмоционально-экспрессивная окрашенность, разговорная стилистика в целом. Потому считаем, что относить подобные употребления к инверсии нельзя, здесь нет члена коммуникативной парадигмы (нейтральное / экспрессивное, прямой порядок слов / обратный порядок слов), теоретически возможная трансформация *Ты – мое горе* относится к другому по семантике типу бисубстантивных предложений – реляционных, где содержится характеристика одного объекта через его отношение к другому объекту с помощью третьего члена конструкции – релятора (*мое*).

Предложения, реализующие фразеологизированные модели, менее частотны по сравнению

со свободными конструкциями, однако довольно употребительны в разговорной и художественной речи, о чем свидетельствует, в частности, тот факт, что фразеологизированные предложения предлагаются для анализа во всех сборниках упражнений по синтаксису современного русского языка, причем не в отдельно выделенных упражнениях, а единичными вкраплениями в основной объем типовых конструкций. Сталкиваясь с подобными рода употреблений (как на уровне простых предложений, так и на уровне сложных), обучающиеся испытывают значительные затруднения, поскольку привычные схемы анализа не работают. Поэтому необходимо уделять особое внимание выработке навыков анализа предложений фразеологизированной структуры, умению дифференцировать свободные модели и фразеологизированные. Для этого синтаксический анализ предложения на начальном этапе, наряду с выявлением грамматической основы, должен включать названные параметры. Отметим, что первичный критерий разграничения свободных и фразеологизированных конструкций соотносится с умениями и навыками, полученными в предшествующих разделах курса современного русского языка «Лексикология. Фразеология», а также при изучении словосочетания (классификация по степени спаянности компонентов: свободные / несвободные), что отчетливо демонстрирует параллельно используемая терминология.

Предметно-понятийная характеристика широко используется как средство метафоризации, которая осуществляется путем индивидуально-авторского соотнесения имен: *Книга – нежная подруга, белая птица, маков цвет* (Т. Толстая); *Ночью город – опрокинутое небо* (М. Цветаева). Общая характеризующая семантика в таких контекстах обычно сопровождается эмоционально-экспрессивными, оценочными оттенками значения: *Война – горе народное* (Г. Марков); *Все ему ни почем, и жизнь – копейка* (М. Горький); *Геометрия – клетка, да! Мышеловка, да! Тюрьма!* (М. Горький); *Свобода – мой девиз, мой фетиш, мой кумир!* (С. Довлатов). Минимализм конструкции и одновременная смысловая емкость, насыщенность содержания позволяют говорить об афористичности подобных предложений, надо заметить, что большое число русских пословиц основано на сопоставлении структур с двумя номинативами в предикативном ядре, типа *Ученье – свет, а неученье – тьма*. Несмотря на окказиональность предикации (скорее, благодаря ей, так как жесткие рамки конструкции поддерживают практически любое метафорическое соотнесение), роль главных членов определяется в соответствии с логико-семантической коммуникативной структурой: первое имя является субъектом предикации, темой в актуальном членении предложения, соответственно выполняет функцию подлежащего, второй номинатив – предикат, который характеризует субъект, является ремой, выполняет функцию сказуемого. Опора на семантику субстантивов в подобных случаях совершенно бессмысленна в силу метафоризации (*книга – подруга; город – небо*) и не нужна, так как подобные контексты имеют либо окказиональный характер, либо представляют собой фразеологизированные структуры с фиксированным порядком слов (афоризмы, пословицы).

Этническая культура / Ethnic Culture
(2024) Vol. 6 No 1, 13-19

18 Хадикова А. А. Функциональный принцип обучения предикативной основе предложения учащихся-осетин: автореферат диссертации ... кандидата педагогических наук : 13.00.02. Майкоп, 2011. С. 4.

Наиболее интересны в этом плане случаи соотнесения «равнообъемных» в содержательном плане номинаций: *Добро – страдание. Иногда труднопереносимое* (В. Дудинцев); *В сравнении с джином вино – вода* (О. Мандельштам). Абстрактная лексика в предикативном ядре создает контекстуально обусловленную понятийную характеристику окказионального свойства: *Неверие – смерть* (Стругацкие), часто на основе оксюморона: *В бесконечных буднях и горе – праздник, и пожар – забава; на пустом лице и царапина – украшение* (М. Горький); *Для них поэзия – драма в сортире* (М. Анчаров). Семантика конкретно-предметных и вещественных существительных препятствует их использованию в качестве предикативного минимума, однако в условиях скрытого или контекстуально вербализованного сравнения становятся возможными употребления типа *Если позволите сделать не совсем удачное сравнение, то книги – это ноты, а беседа – пение* (А. Чехов); *Вином упиться? Позвать врача? Но врач – убийца! Вино – моча* (Ю. Галич); *Лют был поп, аки лев пустынный, голосище – колокол!* (М. Горький). Субъектно-предикатная структура и синтаксические функции номинативов в таких предложениях определяются тема-рематической организацией высказывания, которая отражает авторские интенции и контекстуальную обусловленность. Синтаксический анализ окказионально-авторских употреблений позволяет продемонстрировать богатые изобразительно-выразительные возможности языковой системы, необходимо обращать внимание обучающихся на окказиональность соотнесения имен в предикативном минимуме, обращаться к понятиям лексикологии и стилистики: семантика слова, переносное значение, коннотации, метафора, оксюморон и т. п.

Выводы

Таким образом, определение синтаксического статуса субстантивных членов предикативного ядра в предложениях характеризующей семантики относится к сложным, дискуссионным вопросам

синтаксической теории, которые в свою очередь приводят к проблемам методологического характера, связанным с синтаксическим анализом конструкций. Грамматическая специфика бисубстантивных предложений заключается в идентичности словоформ, составляющих предикативный минимум и соответственно выражающих субъектно-предикатное отношение, отсутствии глагольного связочного элемента. Подобная морфологическая необозначенность предикативной функции, неразличение на морфологическом уровне подлежащего и сказуемого вызывает затруднения при синтаксическом анализе предложений, реализующих схему N1-N1, особенно в условиях экспрессивного словорасположения главных членов. В связи с чем синтаксический анализ конструкций должен опираться не только на грамматические, но и на лексико-семантические и коммуникативные критерии, то есть на многоаспектный подход к языковым явлениям.

На основе аналитико-описательного метода анализа языкового материала и результатов ориентирующего и обучающего эксперимента установлены причины возникновения проблем при определении синтаксического статуса субстантивов-членов предикативного ядра и предложены методические рекомендации для их анализа. Объективный синтаксический анализ бисубстантивных предложений тождества должен включать в себя не только традиционные структурно-семантические характеристики, но и основные параметры анализа коммуникативной организации высказывания (актуальное членение) и семантической (актантно-предикатной) структуры, опираться на знания и навыки, полученные при изучении предшествующих разделов курса русского языка: морфологии, лексикологии, фразеологии и др. Более того, при анализе синтаксических конструкций необходимо учитывать контекстуальную обусловленность, стилистические и прагматические факторы их реализации, синтаксические явления необходимо рассматривать с функциональной точки зрения, а предложение – как реальную единицу общения, обладающую конкретным содержанием и реализующую конкретные коммуникативные цели.

Список литературы

- Герасимова А. А. К вопросу о типах биноминативных предложений в русском языке // Rhema. Рема. 2022. №2. С. 32–66. DOI [10.31862/2500-2953-2022-2-32-66](https://doi.org/10.31862/2500-2953-2022-2-32-66). EDN UOUVVGK
- Иосилевич Н. В. О структурно-семантических особенностях двусоставных предложений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. №10–2. С. 162–165. EDN SXICEJ
- Коняшкин А. М. Структура сказуемого в биинфинитивных предложениях // Мир науки, культуры, образования. 2020. №6. С. 513–515. DOI [10.24412/1991-5500-2020-685-513-515](https://doi.org/10.24412/1991-5500-2020-685-513-515). EDN IUWGLL
- Корнева В. В. Инфинитивные предложения в русском и испанском языках // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. №1. С. 51–60. EDN CJQZLG. DOI [10.17308/lis.2020.1/2730](https://doi.org/10.17308/lis.2020.1/2730)
- Пряников А. В. Субстантивные предикаты в современном русском языке : семантический аспект // Мир науки, культуры, образования. 2012. №3. С. 397–399. EDN PCHZFP
- Федорова Ю. А. Синтаксическая функция инфинитива в инфинитивно-субстантивном предложении // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. №5. С. 42–48. DOI [10.18384/2310-7278-2022-5-42-48](https://doi.org/10.18384/2310-7278-2022-5-42-48). EDN QNAMJY
- Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Москва : Флинта : Наука, 2014. 720 с. (Серия: Стилистическое наследие).

References

- Gerasimova, A. A. (2022). Towards the classification of Russian binominative clauses. *Rhema*, 2, 32-66. EDN: UOUVGK. <https://doi.org/10.31862/2500-2953-2022-2-32-66>
- Iosilevich, N. V. (2014). On the structural and semantic features of two-part sentences. *Humanities, socio-economic and social sciences*, 10-2, 162-165. EDN: SXICEJ
- Koniashkin, A. M. (2020). The predicate in biinfinitive sentences. *The world of science, culture and education*, 6(85), 513-515. EDN: IUWGLL. <https://doi.org/10.24412/1991-5500-2020-685-513-515>
- Korneva, V. V. (2020). Infinitive sentences in the russian and spanish languages. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 1, 51-60. EDN: CJQZLG. <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2730>
- Prianikov, A. V. (2012). Substantive predicates in the modern Russian language: Semantic aspect. *The world of science, culture and education*, 3(34), 397-399. EDN: PCHZFP
- Fedorova, Iu. A. (2022). Syntactic function of an infinitive in an infinitive-substantive sentence. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 5, 42-48. EDN: QNAMJY. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2022-5-42-48>
- Shakhmatov, A. A. (2014). Russian language syntax., 720. Moscow: Flinta; Moscow: Nauka.

Информация об авторе

Князева Наталья Владимировна –
кандидат филологических наук, доцент,
Тихоокеанский государственный университет,
г. Хабаровск, Российская Федерация;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7552-0911>;
e-mail: natknaz@mail.ru

Information about the author

Natalia V. Knyazeva – Cand. Sci. (Phil.),
assistant professor,
Pacific National University,
Khabarovsk, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7552-0911>;
e-mail: natknaz@mail.ru

Поступила в редакцию 17.02.2024
Принята к публикации 23.03.2024
Опубликована 26.03.2024

Received 17 February 2024
Accepted 23 March 2024
Published 26 March 2024

О словаре чувашских микропонимов

<https://doi.org/10.31483/r-109810>
УДК [811.512.111'373.21(470.344)]'374

Леонтьев Д. Э.^{1,a}, Фомин Э. В.^{2,b}

¹ Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова

² Чувашский государственный институт культуры и искусств

Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация.

^a <https://orcid.org/0009-0006-1858-9943>, e-mail: dmitrijtilli@gmail.com

^b <https://orcid.org/0000-0001-6708-9909>, e-mail: yeresen@yandex.ru

Резюме. Исследование посвящено проблеме словаря микропонимов, бытующих в чувашской среде. Чувашская микропонимия входит в число лексико-фразеологической страты, которая теряется стремительными темпами, и ее фиксация в настоящее время представляется более чем актуальной. Учеными много раз озвучивалась идея подобного издания, неоднократно начинался сбор материала, однако до его реализации дело не доходило ни разу. Настоящая публикация по сути является проспектом проектируемого словаря. Исследование строится на анализе коллекции названий малых географических объектов, созданной обучающимися Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова в 2023 г. Лексикографирование микропонимов ставит задачей их кодификацию, изучение в качестве результата конкретного экстралингвистически обусловленного именования местных географических реалий, а также возможных межъязыковых контактов с выходом на проблематику глотто- и этногенеза, уточнение типологических черт чувашского имянаречения в целом. Авторами предлагается двухступенчатая работа над проектом: в первую очередь сбор топонимов и их издание в виде ежегодных сборников, во вторую – подготовка и публикация итогового словаря. Обозначенный подход подготовит основу для обобщающего труда по чувашской микропонимии.

Ключевые слова: ономастика, чувашский язык, словарь, лексикография, микропонимия.

Для цитирования: Леонтьев Д. Э. О словаре чувашских микропонимов / Д. Э. Леонтьев, Э. В. Фомин // Этническая культура. 2024. Т. 6, № 1. С. 20–24. DOI 10.31483/r-109810. EDN NMRLQO

Review Article

About the dictionary of Chuvash microtoponyms

Dmitriy E. Leontyev^{1,a}, Eduard V. Fomin^{2,b}

 ¹Chuvash State University named after I. N. Ulyanova

²Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture on Nationality and Archival Affairs of the Chuvash Republic
Cheboksary, Russian Federation.

^a <https://orcid.org/0009-0006-1858-9943>, e-mail: dmitrijtilli@gmail.com

^b <https://orcid.org/0000-0001-6708-9909>, e-mail: yeresen@yandex.ru

Abstract. This study is devoted to the problem of the dictionary of microtoponyms existing in the Chuvash environment. Chuvash microponymy is one of the lexico-phraseological stratum that is being lost at a rapid pace, and its fixation currently seems more than relevant. Scientists have voiced the idea of such a publication many times, and have repeatedly begun collecting material, but it has never come to fruition. This publication is essentially a prospectus for the designed dictionary. The study is based on the analysis of a collection of names of small geographical objects created by students of the Chuvash state university in 2023. Lexicography of microtoponyms poses the task of codifying them, studying as a result of a specific extralinguistically determined naming of local geographical realities, as well as possible interlingual contacts with access to the problems of glotto- and ethnogenesis, clarifying the typological features of Chuvash naming in general. The authors propose a two-stage work on the project: first of all, the collection of toponyms and their publication in the form of annual collections, and secondly, the preparation and publication of the final dictionary. The indicated approach will prepare the basis for a general work on Chuvash microponymy.

Keywords: onomastics, Chuvash language, dictionary, lexicography, microponymy.

For citation: Leontev D. E., & Fomin E. V. (2024). About the dictionary of Chuvash microtoponyms. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 6(1), 20–24. EDN: NMRLQO. <https://doi.org/10.31483/r-109810>.

Введение

Чувашская микропонимия входит в число лексико-фразеологической страты, которая в современных условиях теряется стремительными темпами. Во многом это происходит по причине социально-экономических преобразований, которые переживает российское общество в последние три десятилетия. Условно можно сказать, что люди перестали ходить пешком, и для них, перемещающихся в пространстве на высокоскоростном транспорте, уже неважно, как именуется каждый географический объект: в аэронавигации достаточно знать названия крупных городов, морей и рек, горных хребтов, а

при перемещении на машине – селений вдоль трассы.

В настоящее время чувашский относится к языкам с уязвимым статусом¹. Скорее всего современные чувашские являются последним поколением, помнящим традиционные микропонимы, и обязанность ученых – зафиксировать эти названия, пока они не исчезли.

Материал и методы исследования

В профессиональном сообществе чувашеведов

¹ Endangered languages: the full list. URL : <https://www.theguardian.com/news/datablog/2011/apr/15/language-extinct-endangered> (дата обращения : 23.01.2024).

известно, что микротопонимический материал собирался силами студентов-филологов Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова в течение многих десятилетий. Однако собранные ими материалы так и остались необработанными, а сами записи не сохранились.

В данной работе в очередной раз поднимается вопрос о составлении словаря малых географических объектов Чувашской Республики. В истории чувашеведческой науки известны подобные программы, кроме того, имеются исследования, посвященные обсуждению лексикографического решения будущих словарей [Ашмарин, 1899²; Никольский, 1904³; Кириллова, 2018; Фомин, Иванова, 2018; Ерина, Фомин, 2022]. Данную публикацию можно назвать проспектом словаря микротопонимов.

К настоящему времени в чувашеведческой науке лексикографированы ойконимы⁴ и антропонимы⁵. Микротопонимия, пожалуй, является последней крупной неразработанной стратой чувашской ономастики. Ее кодификация – сложный процесс хотя бы потому, что микротопонимия значительна по объему.

Надо признать, что проблематика микротопонимии – новая популярная область чувашских языковедческих исследований [Егорова, Марийский, 2019; Егорова, Словообразовательные, 2021; Иванова, 2021; Леонтьева, 2016; Кузнецов, Кузнецова, 2022] (см. также многочисленные работы Г. Е. Корнилова под общим названием «Топонимия республик Поволжья»). Обозначенные изыскания при всех их положительных чертах имеют принципиальные ограничения: как правило, они охватывают отдельные микротопонимические пласты либо по территориальному признаку, либо по категориальному без привязки к целостной топонимической системе и особенностям ландшафта.

Результаты исследования и их обсуждение

Микротопонимы – названия малых географических объектов, функционирующие в сверхограниченном языковом ареале. Следует говорить не только о микротопонимии сельского населенного пункта, как иногда это кажется единственно возможным, но также городского поселения [Попов, 2019]. В случае с чувашской культурой исследовательское внимание всецело концентрируется на сельском материале.

Как показывает опыт, систематизацию лексического материала лучше проводить в словарной форме. Таким образом разработка проблемы обретает черты осязаемого проекта, на выходе имеющего не только научную разработку конкретной проблемы, но и словарь, рассчитанный на широкий круг пользователей.

Целостное изучение микротопонимов ставит задачей фиксацию названий малых географических объектов, изучение их в качестве результата конкретного экстралингвистически обусловленного именованного местных географических реалий, а также возможных межъязыковых контактов с выходом на проблематику глотто- и этногенеза, уточнение типологических черт чувашского имянаречения.

Безусловно, словарь будет строиться сообразно внутренним параметрам чувашской микротопонимии. Сказанное не означает, что составителями не будет учитываться наработанный инокультурный опыт. В этом плане интересными и заслуживающими внимания представляются аналогичные словари (см., например: Шипкова, 2010; Николаев, 2015). В частности, неожиданной и в принципе допустимой формой подачи материала по ключевым словам может послужить словарь микротопонимов Моравии и Силезии (см.: Шипкова, 2010).

В подготовительный период планируется издание ежегодных сборников. Они будут гарантией того, что собранные сведения сохранятся. Вместе с тем промежуточное обнародование результатов полевой работы станут приглашением к участию в проекте заинтересованных лиц. Таким образом об успешном итоге изучения чувашских микротопонимов можно будет говорить даже в том случае, если обобщающий словарь не состоится.

Сбор микротопонимии следует производить согласно приводимым ниже пунктам.

1. Фиксация сведений о селении, к которому привязаны микротопонимы.

Микротопонимия конкретного селения презентуется в виде отдельной главы. В ее водной части приводятся сведения о населенном пункте: его чувашское название с переводом на русский язык, указание на муниципальный округ, в который он входит, расположение села с привязкой к соседним селениям. При этом перечисление селений производится, начиная с восточной стороны. Если тот или иной населенный пункт входит в другой округ или в нем живут люди другой национальности, на это следует указать в скобках.

2. Фиксация сведений об информантах.

Информантами выступают сами жители селений. Идеальный информант – человек в возрасте, который родился или долгое время живет в этом селении.

Нельзя отказываться от фиксации сведений от информанта с иной биографией. В принципе им может стать любой человек, так или иначе связанный с обследуемым населенным пунктом.

Информантами могут выступить сразу несколько человек. В случае расхождений их сообщений фиксируется несколько топонимов с указанием имени опрашиваемого.

Имена информантов приводятся в отдельном абзаце в преамбуле главы сразу же за сведениями о населенном пункте. Если информантом и собирателем является одно и то же лицо, его имя приводится в заключительной части главы.

3. Фиксация материала.

Словарь составляется на чувашском языке. Микротопонимия одноязычна. В редких случаях,

2 Ашмарин Н. И. Программа для составления чувашского словаря. Казань : Типолиитография Императорского университета, 1899. 8 с.

3 Никольский Н. В. Программа для собирания сведений о чувашах. Казань, 1904. 10 с.

4 Нестеров В. А. Населенные пункты Чувашской АССР : справочник об административно-территориальном делении. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 1981. 352 с.

5 Федотов М. Р. Словарь чувашских нехристианских личных имен / Чувашский государственный институт гуманитарных наук. Чебоксары, 1998. 148 с.; Иванова А. М., Фомин Э. В. Словарь чувашских антропонимов дохристианской эпохи. Чебоксары : Издательство Чувашского университета, 2020. 407 с.

например, в условиях контактов разных народов, возможно, у одного и того же объекта допускается несколько разноязычных названий.

Словник формируется параллельно с составлением словаря, поскольку он исходно не предсказуем. При фиксации названий производится их классификация и расстановка по категориям.

Оформление микропонимии конкретного селения в промежуточном издании должно даваться с разделением на категории с алфавитным расположением статей внутри словаря. Предлагается следующая категоризация микропонимического материала: улицы, включая названия неуличных частей селений, например, площадей; овраги; водные объекты, включая названия болот, омутов; поля; дороги; леса; горы и т. д.

В работе следует отказаться от чрезмерно дифференцированной ономастической терминологии, стремящейся назвать отдельным термином малые совокупности географических объектов. Лучше *улица, площадь, овраг, река, озеро, поле, лес, гора*, нежели *годоним, агороним, потамоним, лимноним, агрооним, дримоним, ороним*. Подобная терминология имеет свойство превращать ономастические исследования в малопонятные даже для лингвистов (об избыточности ономастической терминологии см.: Матвеев, 2001, а также: Супрун, 2011, с. 133–134).

При фиксации топонимов желательным представляется отобразить диалектные особенности. Но поскольку такого рода различия чувашского языка в современных условиях сильно нивелированы и у информантов при их фиксации автоматически происходит замена диалектных черт на литературные, постольку это требование не может быть обязательным.

Не подлежат лексикографированию видовые названия географических объектов типа *киремет* ‘киреметь’, *тапър* ‘стоянка’, *улях* ‘луг’ и т. п. Их можно фиксировать дополнительно в целях частных научных исследований самого собирателя.

Каждое название должно иметь указание на расположение географического объекта относительно селения, сторон света или иных координат. В идеале качество фиксируемого материала должно быть такого уровня, что даже сторонний человек смог бы безошибочно определить название объекта непосредственно на месте по его описанию в словаре.

Собранный топонимический материал может сопровождаться схемой, указывающей на сорасположение географических объектов. Схемы и иные рисунки могут понадобиться лексикографам при составлении словарей для более точного описания микропонимов. Данное требование носит рекомендательный характер.

В настоящее время часть микропонимов уже исчезла. Но сами географические объекты существовали с давних пор и имели название в прошлом. Для возможной их идентификации у других информантов и для оценки потерь микропонимов важно составление списка объектов без названий.

Предполагаемый объем словаря – около 25 тысяч статей. Данный показатель выводится из предположения, что в каждом из подлежащих обследованию

1643 чувашских селений республики в используется хотя бы 15 микропонимов.

В идеале словарь должен покрыть всю чувашские селения республики. На данный момент работа студентов Чувашского университета по собиранию микропонимов в 2023 г. покрывает один процент территории республики.

Словарная статья в промежуточных изданиях будет включать следующие разделы: 1) лемму – заглавное слова словарной статьи, набранное прописными буквами в полужирном написании; 2) указание на локализацию объекта или в случае с названиями улиц приведения их названия на русский лад; 3) дополнительные сведения, например, об исторической обусловленности названий; 4) паспорт микропонима, включающего название селения и муниципального округа и оформляемое курсивным написанием.

В итоге микропонимический материал в промежуточных публикациях будет представлен в следующем виде:

ИМЕНКАССИ (Именев) Чăваш Республикин Красноармейски муниципалитет тăрăхне кĕрекен ял. Округăн сурçĕр-хĕвел тухăçĕ енче вырнаçнă, Çĕрпÿ тăрăхĕпе чикĕленет. Юнашар ялсем: Сурткасси, Шурка, Чумаш, Крентейкасси, Юскасси (Красноармейски тăрăхĕ), Чăрăшкасси, Çавалхĕрри Кăнаш (Çĕрпÿ тăрăхĕ).

УРАМ

АНАТКАС Гагарин урамĕ.

КАТАВĔÇ Ленин урамĕ.

ÇĔН УРАМ Овражная урам.

ТУКАС Чапаев урамĕ.

ХĀРАХ УРАМ Ленин урамĕ.

ЧИРКÛ УРАМĔ К. Маркс урамĕ.

ЧУТАЙ Николаев урамĕ.

ПАСАР УРАМĔ К. Маркс урамĕ.

ÇЫРМА-ÇАТРА

ЙĔРЕСЕН ÇЫРМИ яла сурмалла пайласа тăракан сьрма.

МĀН ÇЫРМА ялтан сурçĕр-хĕвел тухăçĕ енелле пĕр сурхăмра вырнаçнă сьрма.

ÇАВАСТИ ялăн кăнтăр-хĕвел анăç еннерех вырнаçнă сыва сÿмĕнчи сьрма.

ÇАПАЛА ÇЫРМИ ялпа юнашарах унăн сурçĕр-хĕвел тухăçĕ енче вырнаçнă пĕчĕк сьрма.

ÇЫРМА ПУÇ Йересен сьрмин пуçламăшĕ.

ЧУЛКАÇ ялăн хĕвел анăçĕ енче вырнаçнă сьрма.

ЯТРОК Çавасти сьрмин тăварах вырнаçнă сыпăкĕ.

ШЫВ-ШУР

ПĀЛАН КÛЛЛИ Ятрок сьрмин пуçенче авал пулнă кÛлĕ.

ÇТАПАН КÛЛЛИ ялăн сурçĕр енче вырнаçнă кунта путса вилнĕ сывна асанса ят панă пĕве.

ТИМĔРС ПĔВИ ял варринче тимĔрс лаçси пулнă вырăнта сьрмана пÿлсе тунă пĕве.

ТОРФ КЎЛЛИ ялан сурсёр енге улӑхра вырнашӑн торф кӑларнипе пулӑнӑн пӗве.

СУЛ-ЙӖР

МӑН СУЛ Красноармейски ялӑнчен Сёрпӑ хулине илсе каякан асфальт сул.

СУРТКАССИ СУЛӖ ялтан Сурткасси еннелле илсе каякан сул.

ЧУМАШ СУЛӖ ялтан Чумаш еннелле илсе каякан сул.

ШУРКА СУЛӖ ялтан Шурка еннелле илсе каякан сул.

УЙ-ХИР

ТАТСА ТУХНӑ ВЫРӑН Сёрпӑ тӑрӑхне кӑрекен Чӑрӑшкасси сывӑхӑнче Савал юхан шывӑ тавра сулне тӑрремӑн татса тухнӑ вырӑн.

ЯНКУРАС УЙӖ ялтан сурсёр-хӗвел-тухӑс енге

Мӑн сырмапа чукун сул таврашӑнче Сёрпӑ тӑрӑхепе чикӑленсе тӑракан уй.

ВӐРМАН-КАТА

ХЫР ВӐРМАНӖ Крентейкасси ялӑ сӑмӑнче Мӑн Савал хӑрринче вырнашӑн вӑрман.

В итоговом словаре будет использовано иное расположение материала – по географическим категориям «Урам» («Улицы»), «Сырма-сатра» («Овраги»), «Шыв-шур» («Водные объекты»), «Уй-хир» («Поля»), «Вӑрман-ката» («Леса»), «Сӑрт-ту» («Горы») и т. д. В этом случае топонимы разных местностей будут перемешаны между собой, что потребует незначительного переформулирования словарных статей (примеры см. в табл. 1).

Таблица 1. Подача материала в словарях на разном этапе

Table 1. Presentation of material in multi-stage dictionaries

В промежуточном словаре	В итоговом словаре
АНАТКАС Гагарин урамӑ.	АНАТКАС Гагарин урамӑ. <i>Именкасси, Красноармейски МО.</i>
ТИМӖРС ПӖВИ ял варринче тимӖрс лаҫси пулӑн вырӑнта сырмана пӑлсе тунӑ пӗве.	ТИМӖРС ПӖВИ тимӖрс лаҫси пулӑн вырӑнта сырмана пӑлсе тунӑ пӗве. <i>Именкасси, Красноармейски МО.</i>
ЯНКУРАС УЙӖ ялтан сурсёр-хӗвел-тухӑс енге Мӑн сырмапа чукун сул таврашӑнче Сёрпӑ тӑрӑхепе чикӑленсе тӑракан уй.	ЯНКУРАС УЙӖ Мӑн сырмапа чукун сул таврашӑнче вырнашӑн уй. <i>Именкасси, Красноармейски МО.</i>

Разграничение материала по категориям позволит заинтересованному лицу практически мгновенно охватить весь крупнейший видовой материал.

Промежуточный и итоговый словари будут находиться в условиях взаимодополняемости. В итоговом словаре будет даваться в одной словарной статье каждый факт реализации одного и того же микропонима в разных населенных пунктах Чувашии. Таким образом системный топонимический материал селения будет расщеплен по видовому принципу и разбросан по всему словарю. В то же время ежегодные выпуски материалов словаря сохранят исходную системность сельской топонимии.

Выводы

Микропонимы – ценный слой лексико-фразеологической системы каждого языка. Уровень их кодификация может служить критерием развитости национальной лингвистики.

В настоящее время существует насущная необходимость в специальном лексикографировании чувашских микропонимов. Социолингвистическая ситуация в Чувашской Республике такова, что другой возможности зафиксировать ее в традиционном виде уже не будет. Наилучшим предполагается подход системной фиксации названий малых географических объектов с привязкой к конкретному населенному пункту.

Поскольку лексикографирование микропонимов всей Чувашии – крупнейший труд, растянутый на многие годы, желательна промежуточная публикация материалов.

Список литературы

- Егорова А. С. Марийский пласт чувашской гидронимии // Чуваши и марийцы – соседи «по общему дому». Чебоксары, 2019. С. 235–240. EDN [XCNEGG](#)
- Егорова А. С. Словообразовательные модели чувашских гидронимов // Ономастика Поволжья. Великий Новгород, 2019. С. 195–199. DOI [10.34680/2019.onomastics.195](#). EDN [FBHВНК](#)
- Егорова А. С. Чӑваш гидронимӑсен лексикапа семантика ушкӑнӑсем // Вӑренӑ аталанӑвӑ. 2021. Том 4, №1. С. 29–34. DOI [10.31483/r-98039](#) EDN [LHTRMW](#)
- Кириллова В. Ю. Парные слова в языках Волго-Камья: к проблеме составления словаря // Вестник Чувашского университета. 2018. №4. С. 260–264. EDN [YRJLSX](#)
- Кузнецов А. В., Кузнецова Н. М. О неисследованных пластах географических названий (на примере топонимики Янтиковского района Чувашской Республики) // Ашмаринские чтения. Чебоксары, 2022. С. 112–117. EDN [НСАННС](#)
- Леонтьева А. А. Названия антропогенных объектов в чувашской микропонимии // Вестник Чувашского университета. 2016. №2. С. 207–2013. EDN [WAGRZT](#)
- Матвеев А. К. Апология имени // Известия Уральского государственного университета. 2001. №21. С. 76–92.

- Николаев И. С., Герд А. С. Словарь топонимии и микротопонимии Ингерманландии // Севернорусские говоры. 2015. №14. С. 112–119. EDN [VCYFBV](#)
- Попов Р. В. Микротопонимы в словаре городской лексики // Вестник Курганского государственного университета. 2019. №1. С. 100–103. EDN [YWITHF](#)
- Семенова И. П. Чувашские и мордовские микротопонимы как результат межэтнических контактов // Мордва и чуваша: история и современность. Чебоксары, 2022. С. 99–104. EDN [QMDPZY](#)
- Семенова И. П. Чувашские микротопонимы в ситуации языкового контакта с татарами: к постановке проблемы // Татары и чуваша – ветви одного древа. Чебоксары, 2021. С. 293–299. EDN [XYXTJJ](#)
- Супрун В. И. Размышления над ономастической терминологией // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. №8. С. 133–138. EDN [OOARSL](#)
- Фомин Э. В., Иванова А. М. Опыт словаря русских фамилий чувашского происхождения // Научное наследие В. А. Богородицкого и современный вектор исследований казанской лингвистической школы. Казань, 2018. Том 1. С. 236–240. EDN [MHJHAT](#)
- Шипкова М. Словарь микротопонимов Моравии и Силезии: теоретический и интерпретационный аспекты // Вопросы ономастики. 2010. №1. С. 55–66. EDN [THUDWX](#)

References

- Egorova, A. S. (2019). Mari layer of Chuvash hydronymy. *Chuvashi i mariitsy - sosedi "po obshchemu domu"*, 235-240. Cheboksary. EDN: [XCNEGG](#)
- Egorova, A. S. (2019). Derivational models of the Chuvash hydronyms. *Onomastika Povolzh'ia*, 195-199. EDN: [FBHBNK](#). <https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.195>
- Egorova, A. S. (2021). Lexico-semantic groups of Chuvash hydronyms. *Development of education*, 4(1), 29-34. EDN: [LHTRMW](#). <https://doi.org/10.31483/r-98039>
- Kirillova, V. Iu. (2018). Alliterating words in the Volga-Kama languages: to the problem of compiling a dictionary. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 4, 260-264. EDN: [YRJLSX](#)
- Kuznetsov, A. V., & Kuznetsova, N. M. (2022). O neissledovannykh plastakh geograficheskikh nazvanii (na primere toponimiki Iantikovskogo raiona Chuvashskoi Respubliki). *Ashmarinskie chteniia*, 112-117. Cheboksary. EDN: [HCAHNC](#)
- Leont'eva, A. A. (2016). Names man-made objects in the Chuvash microtoponimy. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2, 207-2013. EDN: [WAGRZT](#)
- Matveev, A. K. (2001). The apology of the name. *Izvestia. Ural Federal University Journal*, 21, 76-92.
- Nikolaev, I. S., & Gerd, A. S. (2015). Vocabulary of toponyms and micro-toponyms of Ingermanland. *Northern Russian Dialects*, 14, 112-119. EDN: [VCYFBV](#)
- Popov, R. V. (2019). Microtoponyms in the dictionary of urban vocabulary. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1, 100-103. EDN: [YWITHF](#)
- Semenova, I. P. (2022). Chuvash and Mordovian microtoponyms as a result of interethnic contacts. *Mordva i chuvashi: istoriia i sovremennost'*, 99-104. Cheboksary. EDN: [QMDPZY](#)
- Semenova, I. P. (2021). Chuvash microtoponyms in a situation of language contact with Tatars: to the statement of the problem. *Tatary i chuvashi - vetvi odnogo dreva*, 293-299. Cheboksary. EDN: [XYXTJJ](#)
- Suprun, V. I. (2011). Reflection on onomastic terminology. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 8, 133-138. EDN: [OOARSL](#)
- Fomin, E. V., & Ivanova, A. M. (2018). The experience of the dictionary of russian surnames of chuvash origin. *Nauchnoe nasledie V. A. Bogoroditskogo i sovremennyi vektor issledovaniia kazanskoi lingvisticheskoi shkoly*, 1, 236-240. Kazan'. EDN: [MHJHAT](#)
- Shipkova, M. (2010). Anonymic dictionary of Moravia and Silesia: theoretical and interpretative aspects. *Problems of Onomastics*, 1, 55-66. EDN: [THUDWX](#)

Информация об авторах

Леонтьев Дмитрий Эдуардович – студент, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-1858-9943>;
e-mail: dmitrijtilli@gmail.com

Фомин Эдуард Валентинович – кандидат филологических наук, доцент, Чувашский государственный институт культуры и искусств, г. Чебоксары, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6708-9909>;
e-mail: yeresen@yandex.ru

Поступила в редакцию 17.01.2024
Принята к публикации 07.03.2024
Опубликована 25.03.2024

Information about the authors

Dmitriy E. Leontyev – student, Chuvash State University named after I. N. Ulyanova, Cheboksary, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-1858-9943>;
e-mail: dmitrijtilli@gmail.com

Eduard V. Fomin – Cand. Sci. (Phil.), associate professor, Chuvash State Institute of Culture and Arts, Cheboksary, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6708-9909>;
e-mail: yeresen@yandex.ru

Received 17 January 2024
Accepted 07 March 2024
Published 25 March 2024

Семантическое поле древесных ритуальных предметов в русском заговорно-заклинательном обряде

<https://doi.org/10.31483/r-109022>

УДК 392 (57)

Москвина В. А.

Омский государственный педагогический университет г. Омск, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0003-1428-7017>, e-mail: moskvina_va@mail.ru

Резюме. В статье на примере группы ритуальных предметов древесного происхождения рассматривается предметный код русской заговорно-заклинательной традиции. Этой группе в исследованиях уделено недостаточно внимания, на что указывает краткий обзор литературы. Материалом для анализа послужили русские заговоры XIX–XXI вв., а также полевые материалы, записанные автором в период с 2003 по 2023 г. в Омском Прииртышье. Цель настоящей работы – определить семантическое поле группы древесных предметов в русских заговорах, а также выявить соотношение ритуального предмета и его вербального символического воплощения. Основным методом исследования – историко-типологический, позволяющий провести типологические параллели с целью уточнения границ семантического поля, в которое входят ритуальные предметы исследуемой группы. Также в статье реализуются комплексный и межжанровый подходы. Проведенный анализ показывает широкое распространение ритуальных предметов древесного происхождения в русской заговорной традиции. Предметы входят в текст заговора в качестве самостоятельных образов, а могут использоваться относительно автономно от вербального компонента заговора. Семантика предмета находится в соответствии с функционально-тематической направленностью заговора и определяется его содержанием. Рассмотрение двух предметов – сучка и щепок (стружек) выявило расширение их функций и семантического поля в русских заговорах Сибири. Этот вывод определяет направление дальнейшего исследования заговорной атрибутики в аспекте взаимовлияния аборигенных и переселенческих традиций.

Ключевые слова: семантическое поле, заговорный обряд, акциональный код, ритуальный предмет.

Для цитирования: Москвина В. А. Семантическое поле древесных ритуальных предметов в русском заговорно-заклинательном обряде // Этническая культура. 2024. Т. 6, № 1. С. 25–30. DOI 10.31483/r-109022. EDN QSHKHR

The semantic field of wood ritual objects in the Russian spell rite

Veronika A. Moskvina

 Omsk State Pedagogical University
Omsk, Russian Federation. <https://orcid.org/0000-0003-1428-7017>, e-mail: moskvina_va@mail.ru

Abstract. The article examines the subject code of the Russian spell tradition using the example of a group of ritual objects of wood origin. This group has received insufficient attention in research, as evidenced by a brief review of the literature. The material for the analysis is the main publications of Russian conspiracies, as well as field materials recorded by the author in the period from 2003 to 2023 in the Omsk Irtysh region. The purpose of this work is to determine the semantic field of a group of wood objects in Russian spells, as well as to identify the relationship between a ritual object and its verbal and symbolic embodiment. The main method of research – historical-typological – allows us to draw typological parallels in order to clarify the boundaries of the semantic field, which includes ritual objects of the group being studied. The article also implements complex and cross-genre approaches. The analysis showed the widespread use of ritual objects of wooden origin in the Russian charm tradition. Objects are included in the text of the conspiracy as independent images and can be used relatively independently of the verbal component of the conspiracy. The semantics of the ritual object is in accordance with the functional and thematic orientation of the spell and is determined by its content. An examination of two objects – a bitch and a sliver – revealed an expansion of their functions and semantic field in Russian spells of Siberian. This conclusion determines the direction of further research into spells paraphernalia in the aspect of the mutual influence of aboriginal and settler traditions.

Keywords: spell rite, action code, ritual object, semantic field.

For citation: Moskvina V. A. (2024). The semantic field of wood ritual objects in the Russian spell rite. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 6(1), 25–30. EDN: QSHKHR. <https://doi.org/10.31483/r-109022>.

Введение

Изучение атрибутики заговоров предполагает решение ряда проблем: систематизации ритуальных предметов, определения их функционально-семантических и региональных особенностей, установление связей ритуального предмета и его вербального символического образа. Как правило, выявление заговорной атрибутики, определение ее региональных и функционально-семантических особенностей не имеет самостоятельного значения в работах иссле-

дователей, а является лишь специфичным фоном региональной (локальной) традиции. Так, В. Л. Кляус в «Указателе сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян» формирует указатель предметов и локусов, опираясь лишь на вербальный компонент и не затрагивая акционально-предметный уровень заговорного обряда¹. Тот же подход

¹ Кляус В. Л. Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян. Москва : Наследие, 1997. С. 424–449.

представлен и в монографии ученого, где он рассматривает, как в заговорном сюжете предметы связаны с действиями, и приходит к выводу, «что предметы в заговорах и заклинаниях используются в соответствии со своей функцией в реальной жизни человека» [Кляус, 2000, с. 91]. В. П. Федорова раскрывает некоторые особенности магических действий, бытующих в Южном Зауралье, и отмечает: «Совершая магические действия, человек обращался к повседневным предметам, но одновременно приподнятым над бытом заключенной в них сакральностью: нить, камень, вода, земля, печь и т. д.» [Федорова, 2003, с. 212].

Исследование предметного кода заговоров в настоящее время продолжается на материале разных национальных и региональных традиций. Т. В. Ханташкеева рассматривает пищевой код в сравнительных конструкциях и отмечает, что «в большинстве случаев сравнительные обороты передают идею жизни или ее невозможности, что сравнимо с отсутствием у человека еды, хлеба, соли и питья (воды)» [Ханташкеева, 2009, с. 104]. Р. А. Султангареева отмечает сохранение древних форм мировоззрения в предметном коде башкирских лечебных заговоров [Султангареева, 2014]. На примере удмуртского лечебного обряда Т. И. Панина выявляет особенности использования атрибутов и сохранность их изначального смысла в вербальной части [Панина, 2018]. Воду, хлеб, соль Н. О. Косицына определяет как ядерные символы пищевого кода курских заговоров [Косицына, 2023]. Иначе говоря, актуальность изучения предметного кода заговорного обряда остается высокой. С одной стороны, ритуальные предметы требуют осмысления в контексте вербального и акционального компонентов заговора, с другой – семантика ритуального предмета не всегда соответствует его функциям в реальной жизни.

Цель настоящей работы – рассмотреть в русских заговорах группу предметов, связанных по своему происхождению с деревом, и определить сематическое поле, ею образованное, а также выявить соотношение ритуального предмета и его вербального символического воплощения.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили более 2500 текстов из наиболее известных публикаций русских заговоров второй половины XIX – начала XXI в.²

2 Вятский фольклор. Заговорное искусство / вступительная статья А. А. Ивановой. Котельнич, 1994. 112 с.; Великорусские заклинания / послесловие, примечаний и подготовка текста А. К. Байбурина. 2-е издание, исправленное и дополненное. Санкт-Петербург : Европейский дом, 1994. 215 с.; Заговоры // Обрядовая поэзия Пинежья. Москва, 1980. С. 168–175; Замкну замки замками: заговорно-заклинательная поэзия Шадринского края / составитель В. Н. Бекетова, М. А. Колмогоров. Шадринск, 2001. 119 с.; Нижегородские заговоры (в записях XIX–XX веков) / составитель, вступительная статья и комментарии А. В. Коровашко. Нижний Новгород, 1997. 128 с.; Обереги и заклинания русского народа. Москва : КРОН-ПРЕСС, 1998. 190 с.; Русские заговоры и заклинания : материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. / под редакцией В. П. Аникина. Москва : Издательство МГУ, 1998. 480 с.; Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: песни, заговоры / составители Ф. Ф. Болонев, М. Н. Мельников, Н. В. Леонова. Новосибирск, 1997. 605 с.; Традиционный фольклор Новгородской области: сказки, легенды, предания, былички, заговоры (по записям 1963–1999 г.) /

Автором в работе также рассмотрены тексты, опубликованные в монографических исследованиях [Федорова, 2003; Москвина, 2005]. Ценным источником явились полевые материалы автора (ПМА), сделанные в Омском Прииртышье в период с 2003 по 2023 г.

Выбор для анализа не всей системы заговорных предметов, а лишь связанных по происхождению с деревом обусловлен тем, какое место они занимают в заговорной традиции. На продуктивность такого подхода указывает Ю. Е. Березкин. Исследователь рассматривает распространенность фольклорных мотивов и отмечает важность «сопоставления региональных комплексов мотивов, но не в совокупности, а по тематическим группам» [Березкин, 2019, с. 38].

Основной метод исследования – историко-типологический. Данный метод предполагает движение в рассмотрении материала от сравнения единичных текстов к выявлению фактов исторической типологии. Такой подход позволяет провести типологические параллели с целью уточнения границ семантического поля, в которое входят ритуальные предметы исследуемой группы. По сравнению с другими древесные предметы функционально ограничены отдельными типами русских заговоров, и нередко возникает ощущение случайности их употребления в обряде. Именно типологическое сопоставление с атрибутикой шаманских ритуалов, наиболее полно представленной в работах Н. А. Алексеева [Алексеев, 1980], Г. В. Ксенофонтова [Ксенофонтов, 1992] и Е. В. Смоляк [Смоляк, 1991], проясняет целый ряд семантических параллелей.

Комплексный подход важен в связи с тем, что «символика заговоров, их мотивы и язык формируются на пересечении ритуала, фольклорной образности и диалектной речи» [Агапкина, 2019, с. 323].

Также в статье реализуется межжанровый подход к изучению группы заговорных атрибутов. Актуальность данного метода в современной фольклористике не вызывает сомнения. С. В. Алпатов предлагает рассматривать фольклорный мотив с кросс-жанровой позиции, так как он «может воплощаться в повествовательной и паремийной форме, в ритуальном жесте, формуле обрядовой песни или магического заклинания, а также в лабильных дискурсивных форматах поверья, запрета, предписания» [Алпатов, 2022, с. 34].

Результаты исследования и их обсуждение

Заговоры с древесными предметами, такими как ветки, сучки, поленья, кора и щепки, встречаются практически во всех основных жанровых сборниках. Функции этих предметов сформировались на основе общей семантики дерева как символа гармоничного устройства мира. Дерево в заговорах, во-первых, это оберег, предохраняющий от проникновения в мир злых сил (например, в заговорах с формулой «под дубом доска под доской тоска»), во-вторых, объект, принимающий на себя болезнь или несчастье (например, в заговорах с мотивом передачи болезни с головы человека

[Российская академия наук, Институт русской литературы (Пушкинский дом)]; научный редактор А. Ф. Некрылова. Санкт-Петербург : Алетей, 2001. 534 с.

на крону дерева, с ног – на корни и т. п.), в-третьих, предмет, источающий силу и крепость (например, в заговорах с формулой сравнения «как дерево крепко, так и человек крепко»).

Несмотря на эту общую семантику, древесные предметы различаются по тем действиям, которые с ними производит знахарь: ветками сметает или стегает, сучками лечит лишай, чирей, ячмень, грыжу и т. п. («как сучок сохнет, так и болезнь засохни»), корой трет или покрывает больное место, щепки считает, строгаёт, сыплет, сжигает, прикладывает.

Семантика сучка взаимосвязана с семантикой других предметов из дерева, но при этом имеет свою специфику. Выбор данного предмета зависит от вида дерева, к которому он принадлежит. Исполнители чаще указывают, что сучок должен быть осиновый или сосновый, иногда еловый. На форму или количество сучков в русских заговорах внимание почти не обращается. Есть лишь единичные упоминания об этом. Например, в заговоре от грыжи, записанном от уроженки с. Тевриз Омской области, отмечается: «Заговаривают на сук: если девочка, сук должен быть длинный, если мальчик – круглый» (ПМА).

В русских заговорах сучок всегда один, в отличие, например, от белорусского текста, в котором бородавки заговариваются на 18 сучков³. Правда, в сборнике «Полесские заговоры» он единственный с атрибутикой сучка.

Традиционно сучок фигурирует в русских заговорах от чирьев, бородавок, редко от всех болезней. В Западной Сибири круг болезней, которые излечиваются с помощью сучка, шире: кроме названных недугов, в этот круг входят ячмень, лишай, грыжа, ушибы, младенческие болезни, порча.

Сучок в заговорно-заклинательном акте может выступать как часть конкретного дерева (в таком виде сучок эквивалентен ветке, суку) или деревянного предмета (столешницы, подоконника, косяка, пола, доски) и как самостоятельная единица (выпавший сучок, который лучше всего, по мнению исполнителей, найти нечаянно).

В русских лечебных заговорах основной контекст атрибута в виде сучка – мотив засыхания или мотив невозможности его роста. В любовной же магии сохнет не сучок, а другие предметы, чаще продукты. Можно предположить, что болезни сравнивают с засыхающим сучком из-за внешнего сходства (например, фурункула, бородавки). Тогда возникает вопрос, почему в западносибирских заговорах сучок используют от лишая, ушибов или других болезней.

Думается, следует соотнести данный предмет с такой категорией, как жизнь, что позволит рассматривать ветвь или сучок в качестве двойника живого существа. В этом же значении данный образ находим в других жанрах. Т. Г. Леонова, анализируя сказочные сюжеты о коте, петухе и лисе (61В) и о мальчике и ведьме (327С, F), выявила символику персонажа-победителя

лисы и бабы-яги, т. е. хтонических существ. Этот персонаж исследовательница связывает со сферой домового, исходя из его имен и чудесного рождения из чурочки [Леонова, 2014, с. 268]. Домовой, как известно, покровитель, защитник дома. Один из атрибутов домового – веник, который используется в заговорах как оберег и вместе с тем как источник здоровья и крепости.

В функции уничтожения нечистой силы заговорный сучок соотносится с осиновым колом, который, по народным поверьям, нужно забить в сердце ведьмы или вурдалака, чтобы они не вредили людям. Известное в народной медицине средство – вбивание осинового или какого-либо другого сучка в отверстие в косяке, в которое вложены волосы или ногти больного ребенка. После того, как больной вырастет, станет выше того места, где забит сучок, недуг пройдет. В Омской области также зафиксирован следующий заговор от порчи: «Сучок в ноги забиваю и тебя навеки проклинаю <...>»⁴. Наряду с этим заговором, порчу заговаривают, как чирей: «Как сырой сучок сохнет и иссыхает, так у рабы Божьей вся порча выбродила, вся сохла, усыхала <...>» (ПМА, 1980).

В заговорах часто фигурирует мертвый сучок, выпавший. Но заговаривают также на сук на дереве, который должен сохнуть и не расти. Таким образом, в народной традиции сучок воспринимается как двойник живого существа (человека и смерти, больного и болезни). В таком значении сучок близок другому символическому образу – кукишу. Так, в Омской области ячмень заговаривают, используя и сучок, и кукиш. При этом саму болезнь нередко называют кукишем: «Ячмень-кукиш, что хошь – купишь...» (ПМА).

Представления о сучках какместилище души встречаются в шаманизме. Г. В. Ксенофонов приводит сведения о шаманском дереве, растущем ветвями вниз: на каждой ветви гнездо, в каждом гнезде воспитываются шаманы, сильные наверху, менее сильные внизу [Ксенофонов, 1992, с. 42]. Таким образом, рождение шамана связано с деревом, но не со всяким, а с особым: «Шаманы зарождаются далеко на севере, у корня мерзких заболеваний» [Ксенофонов, 1992, с. 60]. Из этого корня растет лиственница, на сучках которой расположены гнезда, в них шаманов выкармливает мать-зверь в образе птицы или оленя. Как и в русской традиционной магии, особое значение имеет хвойное дерево (символ вечности и смерти), а также дерево, связанное со злом, – корень заболеваний (в славянских верованиях осина).

С. В. Алпатов выявляет связь между ветками дерева и костями: повешенные на дерево кости животного сохраняют возможность его оживления [Алпатов, 2022, с. 34–35]. Мотив сближения человека и дерева восходит к древнейшим мифологическим представлениям, характерным для разных народов. Этот мотив символизирует тождество микро- и макрокосма. С. А. Ситникова доказывает, что в «гаданиях дерево выступает вегетативной метафорой

³ Полесские заговоры (в записях 1970–1990 гг.) / составление, подготовка текстов и комментарии Т. А. Агапкиной, Е. Е. Левкиевской, А. Л. Топоркова. Москва : Индрик, 2003. №351.

⁴ Москвина В. А. Русские заговоры в Западной Сибири (XIX – начало XXI вв.). Омск : Омский государственный педагогический университет, 2005. С. 304

человеческой жизни, красноречиво обозначая тот или иной эпизод жизненного цикла человека» [Ситникова, 2018, с. 71]. В русских заговорах данный мотив воплощен в двух основных сюжетных ситуациях. Во-первых, засыхающий на дереве сучок – засыхающая, исчезающая болезнь, например: «Дерево, дерево, тело, тело, как этому сухому суку ниче не прирастает, все на нем засыхает, засохни от удара боли, навеки веков. Аминь» (ПМА, 2003). Рассматривая семантическое поле огня, А. В. Гура отмечает символику сухого дерева как ипостась человека и приводит примеры заговоров: «Дерево сухое – <...> сохнуть будеш...» и «Как в печи дрова шибко, пышно сохнут и горят, так бы и у раба божьего (имя) сердце горело и сохло...» [Гура, 2023, с. 36–37].

Во-вторых, перенос болезней с человека на дерево: «<...> Дубище-дубище, возьми с этого младенца зубищи: теменный – на макушку, подзатыльный – на корень, боковые – на сучья, на широкаи месты, на зеленаи дубы <...>»⁵.

Идея помещения болезней на дерево, по всей видимости, выражена в заговоре, записанном в Татарской АССР в 1983 г.: «<...> Матерь Пресвятая Богородица, есть у нас печь, печь решетчатая, на печке – яблонька, а на яблоньке – сучки, а на сучках – яблочки. Некому эти яблочки ни рвать, ни щипать, рабе Божьей скорби, болезни утешать»⁶. В этом значении дерево воспринимается как вместилище нечистой силы, что подтверждается сведениями из витебско-псковской магической традиции: А. С. Цыганкова пишет о дереве как локусе ведьмы, отбирающей молоко у коров [Цыганкова, 2021, с. 98].

Соотношение сучка как ритуального предмета и как вербального символа реализуется следующими способами: во-первых, сучок может быть задействован только в ритуале – его зачерчивают или им очерчивают вокруг пораженного места; во-вторых, сучок может фигурировать только в тексте заговора; в-третьих, сучок одновременно участвует в ритуале и является вербальным символом, что наиболее характерно для заговоров с рассматриваемым атрибутом. Первые два способа скорее говорят о разрушении подобных заговорно-заклинательных обрядов. Отсутствие манипуляции с сучком при наличии этого образа в тексте, видимо, свидетельствует о неточности фиксации заговора. В ритуале обычно используется реальный сучок, о котором в тексте говорится, что он сохнет и не растет. Типичные формулы: «как этот сучок сохнет», «как на дереве сучок сохнет». В первом случае исцеление ожидается от конкретного предмета, а во втором – происходит совмещение двух планов – реального и символического. Сучок в тексте может быть олицетворенным образом: «Как ты, батюшка сучок, засох, заблек навсегда и пропал <...>» [Москвина, 2005, с. 318]. Это также свидетельствует о символике двойничества данного предмета.

5 Там же. С. 250.

6 Русские заговоры и заклинания : материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. / под редакцией В. П. Аникина. Москва : Издательство МГУ, 1998. №2289.

Таким образом, основные значения сучка как ритуального предмета и вербального символа – двойник человека или болезни, места отсылки недуга, а также воплощение смерти и орудие уничтожения нечистой силы. Рассмотренный предмет имеет типологические параллели в шаманизме.

Заговоров, где магическим средством выступают щепки, немного. Так, в сборнике Л. Н. Майкова (из рукописи XVII в.)⁷, в сборнике М. И. и А. М. Песковых (запись конца XIX – начала XX в.)⁸ – по одному, в сборнике под редакцией В. П. Аникина, где опубликовано около двух с половиной тысяч текстов, записанных в 1953–1993 гг., – три⁹, в публикациях и архивных записях, сделанных в Западной Сибири во второй половине XX в. – девять, из них в томе «Русский календарно-обрядовый фольклор» – три¹⁰, в фольклорном архиве Омского государственного педагогического университета – четыре, в личном архиве автора – один.

Чаще всего щепки переносят свойства того дерева или деревянного предмета, от которого были отделены. При заговаривании зубной боли к зубу прикладывают осиноую щепочку: «На море, на Океане, на острове Буяне растут три больших дуба. Под этим дубом лежит заяц. Переиди ты, зубная боль, тому зайцу» (ПМА).

Осина, с одной стороны, в народных представлениях нечистое дерево, но в то же время оберег, в частности от змей. Зубная боль в ряде заговорных текстов воплощается в виде червя, живущего в зубе, а черви, как и змеи, хтонические существа, боящиеся осины (здесь действует принцип гомеопатической магии). В тексте заговора видим также образ зайца, лежащего под дубом. В русском фольклоре известен образ зайца, уничтожающего растительность, в том числе обдирающего кору с осины: вместе с осиной заяц переимет, согласно заговору, боль.

После лечения испуга на ночь возле кровати ставят таз с водой, куда кладут «ложечку соли, веток ольшаника и палочек со скобы дверной» [Москвина, 2005, с. 150]. Как пояснила знахарка, «чтобы голова не болела». У русских дверная скоба – один из обязательных атрибутов в ритуале снятия сглаза и испуга, видимо, потому, что принадлежит границе между своим миром и чужим, куда изгоняют болезни.

Стружки от опорного столба передают его устойчивость объекту заговора. «Построгать с хлевногo столба стружек и положить их в ведро и напоить корову: Как этот столб стоит, не шатнет и не ворохнетя, с места не падает, так бы моя милая скотинка стояла, не шат-

7 Великорусские заклинания / послесловие, примечания и подготовка текста А. К. Байбурина. 2-е издание, исправленное и дополненное. Санкт-Петербург : Издательство Европейского Дома, 1994. № 91.

8 Обереги и заклинания русского народа. Москва : Крон-Пресс, 1998. С. 171.

9 Русские заговоры и заклинания : материалы фольклор. экспедиций, 1953–1993 гг. / Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, составители С. В. Алпатов и др.; под редакцией В. П. Аникина. Москва : Издательство Московского университета, 1998. №864, 994, 1465.

10 Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: песни, заговоры / составители Ф. Ф. Болонев, М. Н. Мельников, Н. В. Леонова. Новосибирск : Наука, Сибирское предприятие РАН, 1997. №481, 486, 714.

нулась и не ворохнулась»¹¹. Данные примеры показывают, что через щепки передаются свойства не только дерева, но и предмета, от которого они отделены.

Щепки и стружки в качестве ритуальных предметов широко известны в шаманских практиках. По свидетельству А. В. Смоляк, в шаманизме без применения стружек не проходит ни одно камлание над больным, причем у одних народов стружки являлись только частью шаманского костюма и выполняли функцию оберега, а у других стружками покрывали больного, и они как бы принимали болезнь на себя.

Как и у русских знахарей, в шаманизме важную роль играл материал, из которого стружки изготавливали (ольха, тальник, рябина). Например, у нивхов моление духам воды происходило с использованием рябиновых стружек. Но главное воздействие стружек основывалось на их форме: нанайцы и ульчи считали, что в завитках запутываются злые духи и не могут вредить шаману. Самоназвание ритуальных стружек у этих народов (*гиасамса*, *гиасидан*, *гомсача*, *гесадан*) происходит от глаголов *гиа* и *гечуву* 'строгать (ножом)' [Смоляк, 1991, с. 233–235].

В русских заговорах сам процесс изготовления щепок также имеет значение лечебного средства: «“Есть море Окиян; на том море есть мост золотой, сидит на нем человек золотой, стружет стрелы золотыя и стреляет из раба Божия (имя рек) прикос <...> с рук и с ног, и от кости, и от мозгу, и со всех уд его <...>”. А говорите те слова на пенное масло на коровие нагретое, да стружки строгати настругом намелко черемховыя»¹².

В этом заговоре строгание щепок ассоциируется с метанием стрел, которые должны поразить нечистые силы, а количество щепок приравнивается количеству болезней, гнездящихся в разных частях тела. Итак, в заговорах, где используются щепки, помимо формы, важно их количество.

Особое значение как у русских, так и у коренных народов Сибири имеют щепки от разбитого молнией дерева. У верхоянцев такие щепки сжигают и их дымом окуривают людей и скот от болезней [Алексеев, 1980, с. 85]. Сибирские знахари с их помощью лечат утин: на поясицу

кладут щепку и по ней крест-накрест легонько ударяют топором: «Бабушка, ты что рубишь? – Утин рублю. – Руби сильнее, чтобы не было» (ПМА).

Подобные тексты, возможно, сохранили отголоски основного славянского мифа, в результате реконструкции которого В. В. Ивановым и В. Н. Топоровым выявлены мотивы преследования громовником своего змеиного антагониста, последовательно прячущегося под деревом, камнем: громовник расщепляет дерево, раскалывает камень, мечет стрелы¹³.

Таким образом, сопоставление знахарских щепок и шаманских стружек помогло установить, что использование данных атрибутов как иррационального средства воздействия зависит, от материала, из которого они изготовлены, их формы (щепка – стрела, стружка – завиток, в котором можно запутаться) и количества (множество щепок не позволит пропустить ни одну болезнь, а множество стружек не допустит до шамана ни одного духа).

Заключение

Таким образом, анализ древесных ритуальных предметов в заговоре показал их разнообразие и иррациональный характер. Предметы входят в текст в качестве самостоятельных образов, а могут использоваться относительно автономно от вербального компонента заговора. Семантика предмета находится в зависимости с функционально-тематической направленностью заговора, что в итоге определяет его содержание. Проанализированный материал показал широкое распространение древесных ритуальных предметов и усиление их полифункциональности в сибирских заговорных традициях. Границы семантического поля древесных атрибутов определяются, во-первых, типом дерева, с которым они связаны, во-вторых, их формой и количеством, в-третьих, соотношением с акциональным кодом и, в-четвертых, вербальным контекстом. Это позволяет знахарям использовать предметы из данной группы в заговорных обрядах любовного, лечебного, апотропеического назначения достаточно свободно. Причины расширения семантического поля ритуального предмета требуют дальнейшего исследования, и это должно происходить через накопление сопоставительного материала.

11 Обереги и заклинания русского народа... С. 171.

12 Великорусские заклинания... № 91

13 Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянская мифология // Славянская мифология : энциклопедический словарь. Москва : ЭЛЛИС ЛАК, 1995. С. 6.

Список литературы

- Агапкина Т. А. Словесные формулы в магическом ритуале: аспекты взаимодействия // *Studia Litterarum*. 2019. Том 4. №1. С. 310–329. DOI [10.22455/2500-4247-2019-4-1-310-329](https://doi.org/10.22455/2500-4247-2019-4-1-310-329). EDN [RJXCBL](https://www.edn.ru/RJXCBL)
- Алексеев Н. А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири / Академия наук СССР, Сибирское отделение, Якутский филиал, Институт языка, литературы и истории; ответственный редактор И. С. Гурвич. Новосибирск : Наука, 1980. 316 с. EDN [NWVRVY](https://www.edn.ru/NWVRVY)
- Алпатов С. В. Фольклорный мотив «Оживленный из косточек»: проблема межжанрового подхода к описанию и интерпретации // *Фольклор: структура, типология, семиотика*. 2022. Том 5. №1. С. 30–43. DOI [10.28995/2658-5294-2022-5-1-30-43](https://doi.org/10.28995/2658-5294-2022-5-1-30-43). EDN [UWVITS](https://www.edn.ru/UWVITS)
- Березкин Ю. Е. Возраст мотива и способы его определения // *Фольклор: структура, типология, семиотика*. 2019. №1. С. 17–45. DOI [10.28995/2658-5294-2019-1-17-45](https://doi.org/10.28995/2658-5294-2019-1-17-45). EDN [QCXHNB](https://www.edn.ru/QCXHNB)
- Гура А. Вода и огонь в славянской символике сновидений и в символическом языке культуры // *Антропологический форум*. 2023. №56. С. 25–61. doi [10.31250/1815-8870-2023-19-56-25-61](https://doi.org/10.31250/1815-8870-2023-19-56-25-61). EDN [MGWEDU](https://www.edn.ru/MGWEDU)
- Кляус В. Л. Сюжетика заговорных текстов славян в сравнительном изучении. К постановке проблемы. Москва : Наследие, 2000. 192 с. EDN [VUHOVG](https://www.edn.ru/VUHOVG)
- Ксенофонтов Г. В. Шаманизм. Избранные труды (публикации 1928–1929 гг.). Якутск, 1992. 299 с.
- Косицына Н. О. Пищевой код курских заговоров // *Лингвофольклористика*. 2023. №38. С. 62–67. EDN [CWIDMY](https://www.edn.ru/CWIDMY)
- Леонова Т. Г. Проблемы изучения регионального фольклора : монография. Омск : Амфора, 2014. Часть 2. 420 с.

- Москвина В. А. Русские заговоры в Западной Сибири (XIX – начало XXI вв.). Омск : Омский государственный педагогический университет, 2005. 469 с. EDN [QPEKVN](#)
- Панина Т. И. Предметный код удмуртского лечебного обряда // Восточно-Европейский научный вестник. 2018. №2. С. 66–71. EDN [USZNLV](#)
- Ситникова С. А. Деревья в календарных обычаях и обрядах Тверской области (зимние Святки) // Традиционная культура. 2018. Том 19. №1. С. 66–77. EDN [XOTKYH](#)
- Смоляк А. В. Шаман: личность, функции, мировоззрение : (Народы Нижнего Амура) / А. В. Смоляк, Б. Симченко, З. П. Соколова ; АН СССР, Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Москва: Наука, 1991. 276 с. – EDN [RWHMZL](#)
- Султангареева Р. А. Магический фольклор башкир: специфика и мифоритуальные особенности репертуара // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. №26. С. 108–114. EDN [THKPSP](#)
- Федорова В. П. Человек и слово в заговорах. Южное Зауралье. Конец XX в. Курган : Курганский государственный университет, 2003. 288 с. EDN [YTB DGR](#)
- Ханташкеева Т. В. Пищевой код сравнительных конструкций (на материале любовных заговоров) // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. №10. С. 101–105. EDN [KXRXND](#)
- Цыганкова А. С. Вредоносная магия в контексте купальской обрядности сельского населения Витебско-Псковского пограничья // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2021. №4. С. 91–111. DOI [10.28995/2658-5294-2021-4-4-91-111](https://doi.org/10.28995/2658-5294-2021-4-4-91-111). EDN [TOUELV](#)

References

- Agapkina, T. A. (2019). Verbal formulas in the magical ritual: aspects of interaction. *Studia Litterarum*, 4(1), 310–329. EDN: [RJCXBL](#). <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2019-4-1-310-329>
- Alekseev, N. A., & Gurvich, S. (1980). Early forms of religion of the turkic-speaking peoples of Siberia., 316. Novosibirsk: Nauka. EDN: [NWMRVY](#)
- Alpatov, S. V. (2022). Folklore motif “Revived from Bones”: the problem of a cross-genre approach to description and interpretation. *Folklore: structure, typology, semiotics*, 5(1), 30–43. EDN: [UWVITS](#). <https://doi.org/10.28995/2658-5294-2022-5-1-30-43>
- Berezkin, Iu. E. (2019). A motif’s age and ways to determine it. *Folklore: structure, typology, semiotics*, 1, 17–45. EDN: [QCXHNB](#). <https://doi.org/10.28995/2658-5294-2019-1-17-45>
- Gura, A. (2023). Water and fire in the Slavonic symbolism of dreams and the symbolic language of culture. *Forum for Anthropology and Culture*, 56, 25–61. EDN: [MGWEDU](#). <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2023-19-56-25-61>
- Kliaus, V. L. (2000). The system of slavice magic spells’ plots in comparative studies (setting the problem)., 192. Moscow: Nasledie. EDN: [VUHOGV](#)
- Ksenofontov, G. V. (1992). Shamanism. Selected works (publications 1928-1929)., 299. Yakutsk.
- Kositsyna, N. O. (2023). The food code in the spells of Kursk. *Lingvofol’kloristika*, 38, 62–67. EDN: [CWIDMY](#)
- Leonova, T. G. (2014). Problems of studying regional folklore., 420. Omsk: Amfora.
- Moskvina, V. A. (2005). Russian conspiracies in Western Siberia (XIX – early XXI centuries)., 469. Omsk: Omskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. EDN: [QPEKVN](#)
- Panina, T. I. (2018). Material objects used in Udmurt healing rites. *Vostochno-Evropeskii nauchnyi vestnik*, 2, 66–71. EDN: [USZNLV](#)
- Sitnikova, S. A. (2018). Trees in calendar ritualism of tver’ region (christmastide). *Traditional culture*, 19(1), 66–77. EDN: [XOTKYH](#)
- Smoliak, A. V., Simchenko, B., & Sokolova, Z. P. (1991). Shaman: personality, functions, worldview : (Peoples of the Lower Amur)., 276. Moscow: Nauka. EDN: [RWHMZL](#)
- Sultangareeva, R. A. (2014). Bashkir magic folklore: specifics and features of repertoire. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 26, 108–114. EDN: [THKPSP](#)
- Fedorova, V. P. (2003). Man and the word in conspiracies. The Southern Trans-Urals. The end of XX century., 288. Kurgan: Kurgan State University. EDN: [YTB DGR](#)
- Khantashkeeva, T. V. (2009). Alimentary code of comparative constructions (based on the information of love charm). *BSU bulletin*, 10, 101–105. EDN: [KXRXND](#)
- Tsygankova, A. S. (2021). Malicious magic within the context of Kupala rites of the countryfolk of the Vitebsk-Pskov borderlands. *Folklore: structure, typology, semiotics*, 4, 91–111. EDN: [TOUELV](#). <https://doi.org/10.28995/2658-5294-2021-4-4-91-111>

Информация об авторе

Москвина Вероника Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет, г. Омск, Российская Федерация;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1428-7017>;
e-mail: moskvina_va@mail.ru

Information about the author

Veronika A. Moskvina – Cand. Sci. (Phil.), associate professor, Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1428-7017>;
e-mail: moskvina_va@mail.ru

Поступила в редакцию 21.11.2023
Принята к публикации 15.01.2024
Опубликована 22.03.2024

Received 21 November 2023
Accepted 15 January 2024
Published 22 March 2024

Этнокультурная составляющая процесса обучения русскому языку китайских учащихся-филологов (уровень А0–А2)

<https://doi.org/10.31483/r-108715>

УДК 811.161.1:378.147(510)

Чжан Ш.^{1,a}, Мухаммад Л. П.^{2,b}, Потёмкина В. Р.^{3,c}¹Северо-западный университет сельского и лесного хозяйства
г. Янлин, Китайская Народная Республика.²Московский государственный лингвистический университет
г. Москва, Российская Федерация.³Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
г. Москва, Российская Федерация.^a <https://orcid.org/0009-0007-9721-5508>, e-mail: logos826@gmail.com^b <https://orcid.org/0000-0003-3946-9554>, e-mail: ludmilamuh@yandex.ru^c <https://orcid.org/0000-0001-8136-3126>, e-mail: Potemkinav1@mail.ru

Резюме. Статья посвящена изучению этнокультурной составляющей учебного процесса китайских учащихся-филологов. Цель исследования – построение профессионально ориентированной модели подготовки иностранных студентов к межкультурной коммуникации на русском языке. Материал исследования составили видео- и аудио-записи учебной работы на русском языке в условиях российских подготовительных факультетов. Методы исследования – анализ теоретических моделей, представленных в современной литературе по преподаванию русского языка в китайской аудитории; обобщение собственного практического опыта; моделирование учебного процесса с включением в модель этнокультурной составляющей. В результате проведенной работы авторы приходят к следующим выводам: в качестве оптимальной методологической основы следует выбрать вариативную модель личностно-деятельностного обучения, базирующуюся на антропологическом, коммуникативном и когнитивном принципах в комплексе, что, с одной стороны, позволит включить в обучение этнокультурный компонент, с другой – не нарушит процессов комплексности обучения и формирования языковой личности как целостного феномена. В качестве интегративного компонента в модели представлен актуальный для китайских студентов-филологов метатекст, в основание которого заложена стандартизированная интенция «Общая характеристика объекта». В итоге обучающиеся с опорой на этнокультурный потенциал и умение выстраивать общение на русском языке к концу первого семестра овладевают уровнем А2+ и уже готовы к работе во втором семестре по изучению специальных филологических дисциплин непосредственно на русском языке.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, межкультурная коммуникация, языковая личность, китайские учащиеся, этнокультурная составляющая, профессионализация учебного процесса.

Для цитирования: Чжан Ш. Этнокультурная составляющая процесса обучения русскому языку китайских учащихся-филологов (уровень А0–А2) / Ш. Чжан, Л. П. Мухаммад, В. Р. Потёмкина // Этническая культура. 2024. Т. 6, № 1. С. 31–39. DOI 10.31483/r-108715. EDN VKFJAP

Professionally oriented intercultural communication of Chinese students in Russian

Shanzhi Zhang^{1,a}, Ludmila P. Muhammad^{2,b}, Victoria R. Potemkina^{3,c}¹Institute of Language and Culture of the Northwestern University of Agriculture and Forestry
Yangling, China. ²Moscow State Linguistic University
Moscow, Russian Federation. ³Peoples' Friendship University of Russia
Moscow, Russian Federation.^a <https://orcid.org/0009-0007-9721-5508>, e-mail: logos826@gmail.com^b <https://orcid.org/0000-0003-3946-9554>, e-mail: ludmilamuh@yandex.ru^c <https://orcid.org/0000-0001-8136-3126>, e-mail: Potemkinav1@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the ethnocultural component of the educational process of Chinese philology students. The purpose of the study is to build a professionally oriented model for preparing foreign students for intercultural communication in Russian. The research material consisted of video and audio recordings of educational work in Russian in the conditions of Russian preparatory faculties. Research methods – analysis of theoretical models presented in modern literature on teaching the Russian language in Chinese audiences; generalization of one's own practical experience; modeling the educational process with the inclusion of an ethnocultural component in the model. As a result of the study, the authors come to the following conclusions: as an optimal methodological basis, one should choose a variable model of personal-activity learning, based on anthropological, communicative and cognitive principles in a complex, which will allow to include in training, on the one hand, ethnocultural component, on the other hand, will not disrupt the processes of comprehensive learning and the formation of a linguistic personality as an integral phenomenon. As an integrative component, the model presents a metatext that is relevant for Chinese philology students, based on the standardized intention «General characteristics of an object». As a result, students, relying on ethnocultural potential and the ability to build communication in Russian, by the end of the first semester master the A2+ level and are ready to work in the second semester to study special philological disciplines directly in Russian.

Keywords: intercultural communication, language personality, Russian as a foreign language, Chinese students, the ethnocultural component, professionalization of the educational process.

For citation: Sh. Zhang, Muhammad L. P. & Potemkina, V. R. (2024). Professionally oriented intercultural communication of Chinese students in Russian. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 6(1), 31–39. EDN: VKFJAP. <https://doi.org/10.31483/r-108715>.

Введение

Настоящее исследование посвящено профессионально ориентированной учебной межкультурной коммуникации китайских учащихся на русском языке в условиях российских вузов. При этом центральную часть исследования занимает выявление и моделирование этнокультурных особенностей китайских учащихся гуманитарных специальностей, а именно – будущих филологов-русистов.

Наш анализ показал, что в исследованиях по национально ориентированному преподаванию русского языка как иностранного [Румянцева, Рубцова, 2019; Должикова, Куриленко, Бирюкова, 2022] межкультурное учебное общение в своей полноте представлено только одним субъектом – иностранным учащимся (в нашем случае – китайским). Второй участник как носитель российской этнокультуры обычно не учитывается. Между тем при осуществлении межкультурной учебной деятельности (и рецептивной, и продуктивной) второй субъект как национальная языковая личность присутствует по определению [Арестова, Куприянова, Шаронова, 2021; Ашчи, Мухаммад, Татарина, 2018].

Цель исследования обусловлена насущными задачами как теории, так и практики и состоит в моделировании профессионально ориентированной учебной коммуникации в ее инварианте и вариантах, включающих этнокультурный компонент как значимую часть процесса формирования поликультурной языковой личности.

Предмет исследования – профессионально ориентированное обучение межкультурной коммуникации китайских учащихся на русском языке с включением значимого этнокультурного компонента (уровни А0–А2).

Актуальность исследования заключается в учете этнокультурного компонента обеих сторон при моделировании профессионально ориентированной учебной межкультурной коммуникации.

Новизна исследования состоит в конструировании инвариантной описательной модели профессионально ориентированной учебной коммуникации китайских обучающихся на русском языке с учётом этнокультурного компонента.

Материалы и методы исследования

В качестве материала исследования главным образом используются результаты собственного практического опыта: нами анализируются прежде всего аудио- и видеозаписи собственных занятий по русскому языку в китайской аудитории.

Методы исследования: анализ теоретических моделей, представленных в современной литературе по преподаванию русского языка в китайской аудитории, включая работы по межкультурной коммуникации китайских учащихся на русском языке [Бобрышева, 2004¹;

¹ Бобрышева И. Е. Культурно-типологические стили учебно-познавательной деятельности иностранных учащихся в методике обучения русскому языку как иностранному. Москва : Флинта : Наука, 2004. 254 с.

Балыхина, Чжао, 2009²; Балыхина, Чжао, 2010³, Ашчи, Мухаммад, Татарина, 2018; Чжан, Мухаммад, Дубинина, 2018]; обобщение практического опыта учебной деятельности на русском языке в иностранной (китайской) аудитории; конструирование собственной модели учебной коммуникации китайских учащихся с включением в модель этнокультурно значимого компонента; наблюдение за учебной и внеучебной коммуникацией; беседы с преподавателями, учащимися и работодателями.

Методологической основой моделирования учебной межкультурной коммуникации на русском языке является коммуникативно-деятельностный подход к методике преподавания русского языка как иностранного [Зимняя, 1989⁴; Леонтьев, 2001⁵; Альбрехт, Гусейнова, Ипполитова, Мухаммад, Стародубова, Столетова, Чубарова, 2022], а также исследования, посвященные межкультурной коммуникации, в том числе учебной [Ашчи, Мухаммад, Татарина, 2018; Мухаммад, Обид, Линь, 2021]. Вместе с тем актуален учет изысканий, связанных с выявлением этнокультурного компонента китайской и российской языковой личности [Малывин, 2000; Малывин, 2000⁶; Малывин, 2022; Балыхина, Чжао, 2010⁷; Чжан, 2019; 亚美, 2021, Бажов, 2021].

Результаты исследования и их обсуждение

В качестве варианта коммуникативно-деятельностной модели обучения мы выбираем лингводидактический конструкт, основанный на трех базовых принципах: антропологическом, коммуникативном и когнитивном [Леонтьев, 2001⁸; Ашчи, Мухаммад, Татарина, 2018, Альбрехт, Гусейнова, Ипполитова, Мухаммад, Стародубова, Столетова, Чубарова, 2022]. В заданных условиях осуществление антропологического принципа предусматривает определение личностных особенностей контингента как базовой составляющей инвариантной и вариативных моделей учебного процесса [Кант, 1966⁹; Ашчи, Мухаммад, Татарина, 2018; Румянцева, Рубцова, 2019; Альбрехт, Гусейнова, Ипполитова, Мухаммад, Стародубова, Столетова, Чубарова, 2022; Должикова, Куриленко, Бирюкова, 2022]. Как правило, речь идет о китайских учащихся

2 Балыхина Т. М., Чжао Ю. Какие они, китайцы? Этнометодические аспекты обучения китайцев русскому языку // Высшее образование сегодня. 2009. № 5. С. 16–22.

3 Балыхина Т. М., Чжао Ю. От методики к этнометодике. Обучение китайцев русскому языку: проблемы и пути их преодоления. Москва : Российский университет дружбы народов, 2010. 344 с.

4 Зимняя И. А. Психология обучения неродному языку. Москва : Русский язык, 1989. 220 с.

5 Леонтьев А. А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. Москва-Воронеж, 2001. 448 с.

6 Малывин В. В. Китайская цивилизация. Москва : Астрель, 2000. 632 с.

7 Балыхина Т. М., Чжао Ю. От методики к этнометодике. Обучение китайцев русскому языку: проблемы и пути их преодоления. Москва : Российский университет дружбы народов, 2010. 344 с.

8 Леонтьев А. А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. Москва-Воронеж, 2001. 448 с.

9 Кант И. Сочинения: в 6 томах. Том 6 : Антропологическая дидактика. Москва : Мысль, 1966. С. 355–530.

начального этапа обучения, поскольку именно в этот период формируется коммуникативно-языковая база, позволяющая обучающимся в дальнейшем развлекать актуальный, профессионально ориентированный русскоязычный дискурс и осуществлять необходимую учебную и в дальнейшем внеучебную межкультурную коммуникацию на русском языке.

Реализация коммуникативного принципа подразумевает общение, базирующееся на взаимодействии, с одной стороны, китайских учащихся – субъектов своих учебных действий и взаимодействий, с другой – преподавателя-россиянина, формирующего у студента необходимые знания, умения и навыки в комплексе, что в современных методиках составляет требуемую для общения коммуникативную компетенцию.

Реализация когнитивного принципа предусматривает организацию учебного общения как деятельности с опережающим формированием необходимой для учащегося пресуппозиции, корректность которой обеспечивается обязательным моделированием предполагаемой когниции учащегося, актуализируемой в процессе общения. Требуемое моделирование обуславливает учет не только универсальных в отношении контактирующих языков психолингвистических компонентов речевой деятельности китайских обучающихся на русском языке [Леонтьев, 2001¹⁰; Зимняя, 1989¹¹], но и дифференцирующих этнокультурно заданных компонентов учебной и внеучебной коммуникации.

Центральную, системообразующую, часть учебной межкультурной коммуникации занимают субъекты коммуникации. Например, преподавателю как ведущему организатору учебного процесса необходимо владеть определенным мастерством по организации и ведению учебного и внеучебного общения, включая и исследовательскую деятельность по изучению личностных характеристик обучающихся, а также – моделированию и организации необходимой учебной коммуникации [Леонтьев, 2001¹²; Альбрехт, Гусейнова, Ипполитова, Мухаммад, Стародубова, Столетова, Чубарова, 2022; Камаева, 2022], обучающимся же – наращивать свою промежуточную когнитивно-коммуникативную компетенцию как в информационном плане (расширение имеющейся языковой картины мира за счет новых, необходимых для коммуникации, знаний), так и в плане операциональном, деятельностном (формирование коммуникативных умений, когнитивно-речевых механизмов и навыков, обеспечивающих общение).

В контексте описанной методологии начнем рассмотрение учебной и внеучебной коммуникативной деятельности китайских обучающихся. При этом будем опираться как на теоретические исследования, так и на наш практический опыт.

К наиболее информативным для наших целей теоретическим исследованиям в области изучения коммуникативных характеристик китайского

контингента отнесем исследования таких ученых, как Т. М. Балыхина, Ю. Чжао, Л. П. Мухаммад, Ш. Чжан и др. [Балыхина, Чжао, 2009¹³; Балыхина, Чжао, 2010¹⁴; Чжан, Мухаммад, Дубинина, 2018]. Учитывая последние данные современных исследований [Чжан, Мухаммад, Дубинина, 2018, Muhammad, Tatarinova, Khaleeva, 2019], мы можем заключить, что современная языковая личность китайского учащегося в аспекте коммуникации проактивна, т. е. данная личность обладает и интровертивными, и экстравертивными стратегиями решения учебных и внеучебных коммуникативных задач и умеет их применять в зависимости от учебной и внеучебной ситуации [Чжан, Мухаммад, Дубинина, 2018; Muhammad, Tatarinova, Khaleeva, 2019]. Владение экстравертивными стратегиями – природное свойство личности, а интровертивные стратегии выработаны культурой, восходящей к конфуцианским традициям, и это также касается культуры общения в образовательной сфере [Чжан, Мухаммад, Дубинина, 2018]. С позиции формирования коммуникативной компетенции проактивная личность при условии грамотно выстроенного учебного процесса успешна, что подтверждают как теоретические работы [Чжан, Мухаммад, Дубинина, 2018; Muhammad, Tatarinova, Khaleeva, 2019], так и практика учебного и внеучебного общения китайских учащихся.

Когнитивная сторона деятельности общения китайских учащихся, в отличие от вызывающей споры коммуникативной, в современной лингводидактике не вызывает дискуссий. Почти все исследователи сходятся на том, что китайский учащийся как по своей природе, так и в результате воздействия родной культуры – правополушарен, т. е. у него синтетический тип мышления преобладает над аналитическим, хотя последний также развит в достаточной степени [Бобрышева, 2004¹⁵; Балыхина, Чжао, 2010¹⁶; Чжан, 2019; Muhammad, Tatarinova, Khaleeva, 2019]. Сказанное позволяет заключить, что наиболее подходящей для усвоения данным учащимся русского языка является когнитивная учебная стратегия – от синтеза к анализу [Чжан, 2019; Muhammad, Tatarinova, Khaleeva, 2019].

Рассмотрим языковую личность китайского учащегося, с одной стороны, в аспекте задач по удовлетворению ее экзистенциальных потребностей, с другой – с позиции сложившейся на вполне определенный период обучения когнитивно-языковой картины мира. Так, педагогическая задача по удовлетворению экзистенциальных потребностей обучающегося является одной из главных задач современной методики преподавания русского языка иностранным учащимся. Для китайского обучающегося

13 Балыхина Т. М., Чжао Ю. Какие они, китайцы? Этнометодические аспекты обучения китайцев русскому языку // Высшее образование сегодня. 2009. № 5. С. 16–22.

14 Балыхина Т. М., Чжао Ю. От методики к этнометодике. Обучение китайцев русскому языку: проблемы и пути их преодоления. Москва : Российский университет дружбы народов, 2010. 344 с.

15 Бобрышева И. Е. Культурно-типологические стили учебно-познавательной деятельности иностранных учащихся в методике обучения русскому языку как иностранному. Москва : Флинта : Наука, 2004. 254 с.

16 Балыхина Т. М., Чжао Ю. От методики к этнометодике. Обучение китайцев русскому языку: проблемы и пути их преодоления. Москва : Российский университет дружбы народов, 2010. 344 с.

10 Леонтьев А. А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. Москва-Воронеж, 2001. 448 с.

11 Зимняя И. А. Психология обучения неродному языку. Москва : Русский язык, 1989. 220 с.

12 Леонтьев А. А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. Москва-Воронеж, 2001. 448 с.

главной экзистенциальной потребностью является потребность в подготовке к будущей успешной профессиональной деятельности. Это значит, что в качестве наиболее востребованного учебного дискурса, протекающего в аудитории, даже на начальном этапе обучения (т. е. в первом семестре подготовительного факультета, когда формируются уровни А1 и А2) для данного учащегося является специальный дискурс, обслуживающий учебно-профессиональную сферу общения, учебную, профессионально ориентированную, межкультурную коммуникацию. Многолетний практический опыт работы российских преподавателей с китайским контингентом ежегодно показывает одну и ту же картину: чем раньше в учебной аудитории реализуется специальный дискурс с актуализацией именно его профессиональной составляющей, тем выше мотивация обучающихся, и, следовательно, выше их результаты в обучении.

В заданном контексте в целях оптимизации процессов осуществления китайскими студентами учебной речевой деятельности, процессов восприятия, понимания, репродуцирования и продуцирования текстов учебно-профессионального дискурса, обратимся к исследованиям, раскрывающим этнокультурно заданный специфический тип мышления китайского контингента. Ученые отмечают, что национально специфический китайский дискурс в широком смысле опирается на письменные формы речи и задан «иероглифическим типом мышления» [Малявин, 2000¹⁷; Малявин, 2022, Чжан, 2019]. В работах как китайских, так и российских ученых утверждается, что китайское языковое мышление базируется на системах иероглифических знаков, тем или иным образом включающихся в коммуникативное взаимодействие, в том числе и в учебную коммуникацию [Малявин, 2000¹⁸; Чжан, 2019].

При восприятии китайским реципиентом письменных источников родной культуры и языка в его поле зрения попадает прежде всего иероглиф, который анализируется правым полушарием, представляющим собой «голографическое устройство», целостно воспринимающее информацию [Малявин, 2000¹⁹; Малявин, 2022; Чжан, 2019]. В силу целостности, информативности и структурированности иероглифического знака, а следовательно, и сформировавшегося на его основе языкового сознания ученые квалифицируют иероглиф как своего рода (микро)текст [Чжан, 2019]. Безусловно, этот текст по своей семантической структуре во многом соотносится с описательным типом традиционного текста. С другой стороны, одним из вариантов развертывания описательного типа текста является текст, в основание которого на семантическом уровне заложена такая глобальная единица, как метатема «Общая характеристика объекта» [Изаренков, 1995²⁰; Чжан, 2019; Muhammad, Tatarinova, Khaleeva, 2019].

Далее рассмотрим обобщенного участника коммуникации, представляющего вторую сторону –

17 Там же

18 Там же

20 Изаренков Д. И. Лингвометодическая интерпретация учебного текста // Русский язык за рубежом. 1995. № 2–3. С. 89–94.

российскую культуру и фиксирующий ее язык – русский [Бажов, 2021]. В качестве такого субъекта коммуникации выступает преподаватель, реализующий в учебной коммуникации русскоязычный дискурс; а также иные носители русского языка – работники вуза, российские учащиеся, прохожие и, безусловно, коллективный автор специальных текстов – научных статей, учебников, учебных пособий.

В силу того, что российский преподаватель и обобщенный автор русскоязычного учебника (или, как минимум, текста) – зрелая, уравновешенная, личность, следовательно, по коммуникативной шкале, а именно – экстраверсии / интроверсии мы охарактеризуем данную личность как проактивную, осуществляющую свои коммуникативные акты целенаправленно и целесообразно. По когнитивной шкале, т. е. по шкале предпочтений умственных актов синтеза / анализа данная личность в силу сформированных профессиональных навыков и умений также способна включать в свою деятельность когнитивные стратегии, диктуемые педагогической целесообразностью. В связи со сказанным данного участника учебной коммуникации следует охарактеризовать с точки зрения именно педагогического мастерства: во-первых, умений оптимально включить в свой педагогический дискурс понятные и посильные для учащегося профессионально значимые тексты; во-вторых, умений актуализировать прошлый и настоящий опыт обучающегося в целях получения максимально возможного результата. В этом акте педагогического дискурса существенную роль играет выбор преподавателем единицы обучения, на которой строится оптимальная учебная коммуникация. Во многом благодаря заслугам отечественных психолингвистов и лингводидактов [Леонтьев, 2001²¹] в современной методике преподавания русского языка иностранцам в качестве единицы обучения избирается текст как хорошо организованная, структурированная, отшлифованная временем, целостная и зафиксированная в знаках психолингвистическая реальность.

Для китайских обучающихся включенный в учебную коммуникацию текст, а в особенности учебно-профессиональный текст – не столько единица обучения, сколько, по их словам, феномен, вобравший в себя все нужное, понятное и родное.

Ниже попытаемся описать наш опыт работы с письменным специальным текстом в процессе осуществления обучающимися учебной коммуникации.

В первом семестре подготовительного факультета в процессе работы с китайскими обучающимися уровней А0–А2 специальный письменный текст представляется различными вариантами микротекстов как в письменной, так и в устной формах. Разумеется, микротексты направлены на вербализацию (поначалу фрагментарно) целеустановки «Общая характеристика объекта». Такой способ подачи материала объясняется тем, что в дальнейшем, во втором семестре, на занятиях по специальности именно данная целеустановка вербализуется в текстовых вариантах, включающих, как правило, следующие коммуникативно-семантические

21 Леонтьев А. А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. Москва-Воронеж, 2001. 448 с.

блоки: 1) идентификация объекта (*что это* и др.); 2) состав, строение объекта (*что состоит из чего* и т. п.); 3) местонахождение объекта, его частей (*что находится где* и т. д.); 4) связи, отношения между компонентами объекта (*что связано с чем* и т. д.); 5) качественные характеристики объекта (*что – какое* и т. п.); 6) количественные характеристики объекта (*сколько чего приходится на что* и др.); 7) функции объекта и его частей (*что выполняет какую функцию* и др.) или как вариант – предназначение объекта (*что предназначено для чего*) (дается на основании работы: Изаренков, 1995²²).

Обозначенный инвариант специального текста на его семантическом уровне представляет собой универсальный для контактирующих языков (русского и китайского) феномен, что дает возможность в учебной коммуникации использовать его в качестве глобальной опорной единицы, вербализующейся на русском языке теми или иными языковыми средствами. И здесь мастерство преподавателя заключается в корректном включении в учебную коммуникацию вариантов обозначенного текста или его составляющих. Безусловно, в разные периоды начального этапа обучения включение в работу данных вариантов диктуется прежде всего личностными, этнокультурно заданными, возможностями китайского учащегося, его способностью воспринимать и продуцировать развертывающийся дискурс. В связи со сказанным отобранные варианты градуированы по периодам обучения и включены в учебную коммуникацию в соответствии с коммуникативными и когнитивными принципами, особенно с основными постулатами последнего – с учетом интегральных и дифференциальных компонентов контактирующих культур и языков, с посылкой для обучающегося движением от легкого (т.е. уже заложеного когнитивные структуры учащегося благодаря родному языку) – к трудному (этнокультурно дифференцированному, не имеющему аналога в родном языке учащегося).

В заданном контексте изложим представленную выше концепцию в динамике многоаспектного формирования уровней от А0+ по А2 в условиях выделяемых нами трех периодов первого семестра.

В первом периоде (уровень от А0 до А1) ставятся следующие задачи: 1) безболезненная и нацеленная на успех интеграция учащегося в новую для него учебную коммуникацию на русском языке (личностный план учебного общения); 2) субъект-субъектное взаимодействие на русском языке учащегося с преподавателем, а также с другими учащимися в рамках учебно-профессионального дискурса с включением фрагментов специальных текстов «Общая характеристика объекта» (коммуникативный план); 3) моделирование и презентация комплексных учебных единиц (учебных текстов), реализующих когнитивную прогрессию на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях (когнитивный план).

Уже на первом занятии появляется возможность наполнить пространство традиционного вводно-фонетического курса такими семантическими единицами,

как идентификация объекта (коммуникативно-семантический блок №1) в диалогическом (*Что это? – Это слово (звук, буква)*) и монологическом текстах (*Фонетика – это наука*). При этом заметим, что актуальный для учащихся микротекст-дефиниция даже в своем усеченном варианте позволяет им (учащимся) уже на первом-втором занятии строить высказывания на ограниченном материале, а именно: на формах именительного падежа (иные падежи как грамматический феномен в этот период еще не изучены). Также уже с первых занятий учащиеся без труда с опорой на ситуацию могут строить высказывания с включением предлогов *в/на* в состав вербализованного комплекса с предложным падежом (коммуникативно-семантический блок №3): *Это слово. Префикс, корень, суффикс находятся в слове*. Данная работа проводится в контексте обычной работы по формированию умений межкультурной коммуникации в обиходно-бытовой и социально-культурной сферах общения. Так, преподаватель, показывая картинку с целью формирования у учащихся механизмов аудирования на русском языке, произносит: *Это Антон и Анна. Они туристы. Сейчас они в Москве*. Естественно, обучающиеся стараются слушать и понимать, поскольку по предыдущим занятиям знают, что далее последуют вопросы преподавателя с выяснением, *что* из сказанного понято и *как* понято. Эти вопросы – определенного рода ступенька, во-первых, к актуализации воспринятого учащимися содержания (когнитивный аспект речевой деятельности), во-вторых – к активному участию в будущем диалоге: *Кто это? – Это Антон и Анна. – Кто они? – Они туристы. – Где они? – Они в Москве*.

Похожая работа проводится с аналогичными по структуре монологами и диалогами, но в других вариантах: с подстановкой китайских имен вместо русских; с заменой словоформы *туристы* на словоформы *студент, студентка и студентки*; со значимым в аспекте межкультурной коммуникации микротекстом следующего содержания: *Это Кремль. Он находится в Москве*.

В плане учебной межкультурной коммуникации преподаватель совершает еще один шаг – показывает студентам картинку с изображением Великой китайской стены, начиная свой педагогический дискурс вопросом: *Это Великая китайская стена?* По ситуации учащиеся понимают, что нужно ответить утвердительно. Само название *Великая китайская стена* на русском языке учащиеся слышат и видят впервые, в связи с чем вопрос «*Что это?*» преподавателем не задается. Однако диалог, по содержанию и структуре аналогичный предшествующему (*Это кремль...*), обучающиеся уже могут составить.

Упражняясь в слушании, говорении и чтении различных вариантов дискурса, построенных на одной и той же инвариантной основе, учащиеся, кроме всего прочего, закрепляют в речи актуальные грамматические формы, как, например, форму предложного падежа с предлогами *в* и *на* (коммуникативно-семантический блок №3: местонахождение объекта).

Опишем учебную ситуацию перехода учащихся от устной к письменной форме речи в самые первые дни занятий (уровень А0–А0+). Сразу же на первом занятии помимо коммуникативных единиц, вербализующих

Этническая культура / Ethnic Culture
(2024) Vol. 6 No 1, 31-39

22 Изаренков Д. И. Лингвометодическая интерпретация учебного текста // Русский язык за рубежом. 1995. № 2–3. С. 89–94.

приветствие, преподаватель учебный процесс включает и микродиалоги с коммуникативными единицами *самопредставление* и *представление*. Они вводятся в простой и доступной форме: *Я Анна. А Вы? – Я Шаньчжи*. После того, как все обучающиеся успешно поучаствовали в микродиалоге, называя вместо *Шаньчжи* свое настоящее имя, преподаватель данный микродиалог записывает кириллицей на доске. Далее слова разбиваются на слоги и идентифицируются. В слогах идентифицируются буквы. Учащиеся благодаря такого рода текстам (причем текстам, которые они уже проработали в устных диалогах) примерно к третьему дню занятий усваивают как гласные, так и согласные звуки русского языка с их буквенными эквивалентами. Обратим внимание: именно в составе коммуникативных единиц – диалогических и монологических микротекстов.

Особенное влияние этнокультурной составляющей на учебный процесс китайского учащегося отмечается в самый ранний период обучения русскому языку. Здесь весьма важную роль играет работа преподавателя по нейтрализации у учащихся китайской образовательной традиции интровертивного поведения. Требуемая нейтрализация возможна, если российский преподаватель с самого первого занятия вовлечет учащихся в устный диалог, в настоящую учебную коммуникацию, связанную с познанием китайскими обучающимися новых для них культуры и языка. Поскольку китайские обучающиеся преимущественно по своей природе экстраверты, им нетрудно работать в устном диалоге с преподавателем и друг с другом. Важнейшая роль преподавателя здесь – показать иную по отношению к китайской образовательную традицию, заключающуюся в речевом субъект-субъектном взаимодействии; затем настойчиво фиксировать данную, новую для учащихся, традицию в учебном общении с помощью такого стимулятора, как вопрос, и, наконец, учить вступать в настоящий диалог с инициацией вопроса, предложения, уточнения.

С другой стороны, первоначальная работа в устном диалоге позволяет китайским учащимся уйти от стресса, связанного с совершенно новой для них письменной фиксацией звуко-буквенных соответствий. Благодаря интенсивной работе в устном диалоге обучающиеся имеют возможность постепенно привыкнуть к русскому слоговому письму и переключиться с микротекстов-иероглифов – на микротексты, уже иным образом кодирующие смыслы в соответствующие буквенные комплексы.

Таким образом, при работе даже с таким минимизированным материалом, как коммуникативно-семантические блоки *идентификация* и *местонахождение*, у учащихся появляется возможность опираться на универсальный семантический материал и на этой основе формировать устойчивые языковые навыки и гибкие коммуникативные умения применительно к коммуникации в разных сферах общения: от обиходно-бытовой через социально-культурную – к профессионально-деловой. Такая работа, в основу которой положен семантический инвариант как единица, интегрирующая учебный материал по сферам общения,

полезна также и в аспекте профессионализации учебного процесса. Для убедительности продемонстрируем сказанное на материале более позднего периода первого семестра. Примерно через полтора месяца после приезда в Россию учащиеся более детально, чем ранее, знакомятся с центральной частью Москвы и ее достопримечательностями. И здесь весьма полезной для них, в том числе и в плане профессионализации учебной межкультурной коммуникации является работа над семантическим содержанием текста «Кремль», включающим почти все инвариантное содержание описательных текстов. Для наглядности приведем небольшие фрагменты данного текста: *На высоком холме за высокой стеной – белоснежные силуэты зданий. Справа от них – колокольня Ивана Великого. Ее высота – 81 метр. Стены кремля имеют толщину от 3,5 до 6,5 метров. По углам стоят могучие башни. Каждая из 20 башен имеет свой неповторимый облик, свое название. Главная из них – Спасская башня. На ней – часы-куранты. Составная часть кремля – Красная площадь, главная площадь России.*

В результате усвоения данного текста и формирования русскоязычной картины мира, связанной с описаниями, китайские учащиеся-филологи актуализируют в своем сознании следующие коммуникативно-семантические блоки: 1) блок идентификация объекта (*кремль; Спасская башня, колокольня Ивана Великого, часы-куранты* в формах именительного и родительного падежей); 2) состав, строение объекта (*Составная часть кремля – Красная площадь* в формах именительного, родительного и винительного падежей); 3) местонахождение объекта и его частей (*на холме, за стеной, справа от них, по углам* в разнообразных грамматических формах); 5) качественные характеристики объекта (*на высоком холме, белоснежные силуэты, могучие башни, часы-куранты* – здесь, в целом, осуществляется опора на конструкции Adj + N1); 6) количественные характеристики объекта (*ее высота – 81 метр, имеют толщину от 3,5 до 6,5 метров, из 20 башен* – здесь в опоре на числительные).

В то же время, работая над каждым из коммуникативно-семантических блоков, преподаватель на занятиях по практике речи готовит учащихся к восприятию и продуцированию специальных текстов, предвзято тем самым успех их работы во втором семестре, когда занятия по специальности будет вести преподаватель-предметник. При данной методической стратегии специальный текст рассматривается в качестве одного из вариантов описательного текста, поскольку имеет одну инвариантную основу в отношении текстов иных сфер общения: обиходно-бытовой и социально-культурной. В качестве варианта мы рассматриваем следующий специальный текст: «Морфемика – это наука, которая изучает морфемы. Морфемы – это части слова, в своей совокупности они составляют слово. Главная часть слова – корень. Например, в слове *задумчивый* корень *дум*. *Дум* – это главная часть таких однокорневых слов, как *думать, дума, бездумный, задуматься* и т. д. Другие морфемы определяем по их расположению: приставка (префикс) – это морфема, которая находится в начале слова, до корня. В нашем слове приставка – *за*. Суффикс – это морфема, ко-

торуую мы находим после корня. У нас суффикс – *чив*. Определение же окончания (флексии) требует изменения формы слова: *задумчивый* (он); *задумчивая* (она); *задумчивые* (они). Изменяемая часть слова – это окончание. В заданной форме слова *задумчивый* окончание – *ый*».

Такая организация педагогического дискурса в отношении правополушарных китайских учащихся соответствует их когнитивным характеристикам – заложенному на материале родного языка описательному типу текста как фрагменту языковой картины мира и когнитивной стратегии от синтеза – к анализу, т. е. от целостного микротекста к его формальным составляющим, что значительно сокращает время качественного усвоения учащимися текстовых блоков, реализующих инвариант «Общая характеристика объекта».

В результате уже на втором месяце обучения на подготовительном факультете китайские учащиеся, работая в парадигме, заданной учебной профессионально ориентированной межкультурной коммуникацией, в состоянии актуализировать, усвоить и вывести в общение почти все коммуникативно-семантические блоки, покрывающие русскоязычный профессионально ориентированный дискурс второго семестра – времени, когда начинаются занятия по специальности с преподавателем-предметником.

Во втором периоде учащиеся успешно осваивают как минимум: коммуникативно-семантический блок №4 с формами творительного и дательного падежей, а также коммуникативно-семантический блок №7 с обозначением первичных коммуникативных функций падежей, как, например, функции адресата, реализуемой преимущественно дательным падежом. Все падежи в этот период повторяются и даются также в формах множественного числа. К примеру, актуальное для учащихся высказывание *Статья адресована студентам-филологам*, будучи включенным в структуру текста-аннотации, в то же время актуализирует в сознании учащихся формы дательного падежа, в данном случае – множественного числа.

В целом, говоря о втором, весьма ответственном, периоде формирования у китайского учащегося коммуникативной компетенции, подчеркнем, что именно грамматический компонент, покрывающий те или иные коммуникативно-семантические блоки, играет одну из ключевых ролей в переструктурировании и структурировании языковой картины мира учащегося. В этот период грамматические средства при специальном обучении могут выполнять в процессе коммуникации функцию своеобразных маяков, ориентирующих начинающего коммуниканта в потоке информации на флективном русском языке [Muhammad, Tatarinova, Khaleeva, 2019].

В последний, третий, период обучения китайские учащиеся работают с различными вариантами филологических текстов как лингвистической, так и социокультурной направленности, реализуя интенцию «Об-

щая характеристика объекта». Они закрепляют в речи усвоенные ранее формы падежей существительных, а также актуальные для начального этапа обучения глагольные формы. Кроме того, учащимися усваиваются формы прилагательных в сочетании с существительными в формах косвенных падежей.

И, наконец, придерживаясь педагогической стратегии интегрированного обучения китайских учащихся (уровни А0–А2), преподаватель включает в учебное общение тексты-описания русских и китайских городов, т. е. тексты, развертывающиеся в соответствии с главной целевой установкой «Общая характеристика объекта», а также лингвистические и литературоведческие тексты с той же установкой. В результате структурообразующие слова (как, например, *находится / располагается*) и соответствующие им грамматические формы успешно фиксируются в языковом сознании обучающихся, что выполняет важную функцию профилактики грамматических ошибок как в настоящей учебной, так и в будущей профессиональной коммуникации. И эта педагогическая стратегия намного эффективнее, чем трата огромного количества времени на традиционные грамматические упражнения.

Заключение

Позиция, изложенная в настоящей работе в виде описательной модели профессионально ориентированной учебной межкультурной коммуникации с учетом этнокультурного компонента, основывается на осуществлении учебной коммуникации в соответствии с антропологическим, коммуникативным и когнитивным принципами в комплексе, что позволяет интегрировать и оптимизировать весь процесс включения этнокультурного компонента при формировании коммуникативной компетенции китайского учащегося. Уже с первых дней учебная коммуникация организовывается в соответствии с конструируемой моделью: 1) она сориентирована на экзистенциальные потребности китайского учащегося в профессионально значимом обучении; 2) организована как коммуникация, с одной стороны, опирающаяся на общий, интегративный, компонент участников, представителей контактирующих языков – русского и китайского, с другой – дифференцирующая ее различные этнокультурные компоненты; 3) разделена на ближайшую и дальнюю зоны развития языковой личности китайского учащегося, формирующую коммуникативную компетенцию как пошаговое и многоаспектное овладение учебно-профессиональным дискурсом.

В результате китайский обучающийся, получивший возможность опираться на собственный этнокультурно заданный потенциал и сформировавший в процессе учебной межкультурной коммуникации умение выстраивать общение на русском языке, в конце первого семестра подготовительного факультета овладевает уровнем А2+ и уже вполне готов к работе во втором семестре по изучению специальных филологических дисциплин на русском языке.

Список литературы

Альбрехт Ф. Б., Гусейнова И. А., Ипполитова Л. В., Мухаммад Л. П., Стародубова О. Ю., Столетова Е. К., Чубарова О. Э. Личностноформирующий потенциал инокультурного образовательного пространства. Москва : Директ-Медиа, 2022. 144 с. EDN CSYMQQ

- Арестова И. Ю., Куприянова М. Ю., Шаронова Е. Г. К вопросу о формировании этноэкологической культуры будущих учителей // Этническая культура. 2021. Том 3, №4. С. 62–68. DOI [10.31483/r-100623](https://doi.org/10.31483/r-100623) EDN [XVBKJP](https://doi.org/10.31483/r-100623)
- Ашчи М., Мухаммад Л. П., Татарина Н. В. Межкультурная коммуникация как компонент антропологической лингводидактики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки, и методика их преподавания. 2018. Том 16, №2. С. 143–156. DOI [10.22363/2313-2264-2018-16-2-143-156](https://doi.org/10.22363/2313-2264-2018-16-2-143-156) EDN [XMZYDZ](https://doi.org/10.22363/2313-2264-2018-16-2-143-156)
- Бажов С. И. К вопросу о российской цивилизационной идентичности // Вестник славянских культур. 2021. №62. С. 113–119. DOI [10.37816/2073-9567-2021-62-113-119](https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-62-113-119) EDN [NZBCIU](https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-62-113-119)
- Должикова А. В., Куриленко В. Б., Бирюкова Ю. Н. Применение экосистемного подхода в развитии методики обучения русскому языку как иностранному // Современное педагогическое образование. 2022. №8. С. 14–18. EDN [YUVLDA](https://doi.org/10.31483/r-101499)
- Камаева М. П. Исследование этнической и гражданской идентичности студентов вуза // Этническая культура. 2022. Том 4, №3. С. 51–55. DOI [10.31483/r-101499](https://doi.org/10.31483/r-101499). EDN [NQXBMO](https://doi.org/10.31483/r-101499)
- Маливин В. В. О китайской цивилизации // Российское китаеведение. 2022. №1. С. 95–111. DOI [10.48647/ICCA.2022.49.25.006](https://doi.org/10.48647/ICCA.2022.49.25.006) EDN [ZPSOJZ](https://doi.org/10.48647/ICCA.2022.49.25.006)
- Мухаммад Л. П., Обид Х. О., Линь С. О понятии «общение как деятельность» применительно к обучению иностранцев в соответствии с антропологическим принципом гуманитарных наук // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2021. №3. С. 104–109. DOI [10.37882/2223-2982.2021.03.23](https://doi.org/10.37882/2223-2982.2021.03.23) EDN [VBPXLY](https://doi.org/10.37882/2223-2982.2021.03.23)
- Румянцева Н. М., Рубцова Д. Н. Этноориентированное обучение – важная составляющая методики преподавания русского языка как иностранного // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2019. №1. С. 196–207. DOI [10.23683/1995-0640-2019-1-196-207](https://doi.org/10.23683/1995-0640-2019-1-196-207) EDN [OYDURN](https://doi.org/10.23683/1995-0640-2019-1-196-207)
- Чжан Ш. Когнитивный компонент как важнейшая часть антропологически ориентированной лингводидактики (начальный этап обучения) // Мир науки, культуры, образования. 2019. №1. С. 168–171. EDN [VGXYYO](https://doi.org/10.23683/1995-0640-2019-1-196-207)
- Чжан Ш., Мухаммад Л. П., Дубинина Л. Л. Опора на коммуникативно значимые личностные особенности китайских учащихся при подготовке будущих менеджеров (начальный этап обучения) // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. 2018. №4. С. 27–33. EDN [YRROZF](https://doi.org/10.23683/1995-0640-2019-1-196-207)
- Malyavin V. V. Harmony and beyond: some global perspectives of Chinese thought. *Dialogue & Universalism*. 2020. Том 30, №3. С. 27–42. DOI [10.5840/du202030332](https://doi.org/10.5840/du202030332) EDN [TOQHFG](https://doi.org/10.5840/du202030332)
- Muhammad L. P., Tatarina N. V., Khaleeva O. N. Modeling a methodology for teaching a foreign language on the principles of anthropological linguodidactics (initial stage of learning) // Вісник Національної академії керівних кадрів культури і мистецтв. 2019. №1. P. 115–121. EDN [CJXLSB](https://doi.org/10.31483/r-101499)
- 亚美, 传统教学法结合任务型教学法在俄语语法教学中的应用//创新创业理论研究与实践, 2021年5月第九期.

References

- Al'brekht, F. B., Guseinova, I. A., Ippolitova, L. V., Mukhammad, L. P., Starodubova, O. Iu., Stoletova, E. K., & Chubarova, O. E. (2022). The personality-forming potential of the ethno-cultural educational space., 144. Moscow: Direkt-Media. EDN: [CSYMQQ](https://doi.org/10.31483/r-100623)
- Arestova I. Y., Kupriyanova M. Y., & Sharonova E. G. (2021). Development of ethno-environmental culture among future teachers. *Ethnic Culture*, 3(4), 62-68. EDN: [XVBKJP](https://doi.org/10.31483/r-100623). <https://doi.org/10.31483/r-100623>
- Ashchi, M., Mukhammad, L. P., & Tatarina, N. V. (2018). Intercultural communication as anthropological linguodidactics component. *Russian Language Studies*, 16(2), 143-156. EDN: [XMZYDZ](https://doi.org/10.22363/2313-2264-2018-16-2-143-156). <https://doi.org/10.22363/2313-2264-2018-16-2-143-156>
- Bazhov, S. I. (2021). On the issue of the russian civilizational identity. *Bulletin of Slavic Cultures*, 62, 113-119. EDN: [NZBCIU](https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-62-113-119). <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-62-113-119>
- Dolzhikova, A. V., Kurilenko, V. B., & Biriukova, Iu. N. (2022). Application of the ecosystem approach in the development of methods of teaching russian as a foreign language. *Modern pedagogical education*, 8, 14-18. EDN: [YUVLDA](https://doi.org/10.31483/r-101499)
- Kamaeva, M. P. (2022). On the Issue of Ethnic and Civic Identity of University Students. *Ethnic Culture*, 4(3), 51-55. EDN: [NQXBMO](https://doi.org/10.31483/r-101499). <https://doi.org/10.31483/r-101499>
- Maliavin, V. V. (2022). On chinese civilization. *Russian China Studies*, 1, 95-111. EDN: [ZPSOJZ](https://doi.org/10.48647/ICCA.2022.49.25.006). <https://doi.org/10.48647/ICCA.2022.49.25.006>
- Mukhammad, L. P., Obid, Kh. O., & Lin', S. (2021). On the concept of “communication as an activity” in relation to teaching foreigners in accordance with the anthropological principle humanities. *Modern Science: actual problems of theory and practice. Series “Humanities”*, 3, 104-109. EDN: [VBPXLY](https://doi.org/10.37882/2223-2982.2021.03.23). <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2021.03.23>
- Rumiantseva, N. M., & Rubtsova, D. N. (2019). Ethno-oriented training as an important component of methodology of teaching russian as a foreign language. *Proceedings of southern federal university. Philology*, 1, 196-207. EDN: [OYDURN](https://doi.org/10.23683/1995-0640-2019-1-196-207). <https://doi.org/10.23683/1995-0640-2019-1-196-207>
- Chzhan, Sh. (2019). Cognitive component as an important part of anthropologically oriented linguodidactics (initial stage of education). *The world of science, culture and education*, 1, 168-171. EDN: [VGXYYO](https://doi.org/10.23683/1995-0640-2019-1-196-207).

Chzhan, Sh., Mukhammad, L. P., & Dubinina, L. L. (2018). Reliance on communicative significant personal characteristics of chinese students in the preparation of future managers (the initial stage of studding). *Russian Language Abroad*, 4, 27-33. EDN: YRROZF.

Malyavin, V. V. (2020). Harmony and beyond: some global perspectives of Chinese thought. *Dialogue & Universalism*, 30(3), 27-42. EDN: TOQHFQ. <https://doi.org/10.5840/du202030332>

Muhammad, L. P., Tatarinova, N. V., & Khaleeva, O. N. (2019). Modeling a methodology for teaching a foreign language on the principles of anthropological linguodidac-tics (initial stage of learning). *Visnik Natsional'noyi akademiyi kerivnikh kadriv kul'turi i mistetstv*, 1, 115-121. EDN: CJXLSB.

Yamei. (2021). Application of Traditional Teaching Methods Combined with Task-Based Teaching Methods in Russian Grammar Teaching. *Research and Practice of Innovation and Entrepreneurship Theory*, 9. 亚美, 传统教学法结合任务型教学法在俄语语法教学中的应用//创新创业理论研究与实践, 2021年5月第九期.

Информация об авторах

Чжан Шаньчжи – декан, Северо-западный университет сельского и лесного хозяйства, г. Янлин, Китайская Народная Республика

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-9721-5508>;
e-mail: logos826@gmail.com

Мухаммад Людмила Петровна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры русского языка как иностранного, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3946-9554>;
e-mail: ludmilamuh@yandex.ru

Потёмкина Виктория Равельевна – ассистент, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8136-3126>;
e-mail: Potemkinav1@mail.ru

Поступила в редакцию 09.11.2023
Принята к публикации 19.03.2024
Опубликована 25.03.2024

Information about the authors

Zhang Shanzhi – dean, Institute of Language and Culture, of the Northwestern University of Agriculture and Forestry, Yangling, China.

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-9721-5508>;
e-mail: logos826@gmail.com

Ludmila P. Muhammad – Dr. Sci. (Ped.), prof., prof. of the Department of Russians Foreign Language, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3946-9554>;
e-mail: ludmilamuh@yandex.ru

Victoria R. Potemkina – assistant, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8136-3126>;
e-mail: Potemkinav1@mail.ru

Received 09 November 2023
Accepted 19 March 2024
Published 25 March 2024

Рецензия на: Лебедев Э. Е. Словообразование в чувашском языке : монография / Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2023. 211 с.

<https://doi.org/10.31483/r-110551>

УДК 811.512.111

Иванова А. М.

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова
г. Чебоксары, Российская Федерация.

 <https://orcid.org/0000-0003-1562-2147>, e-mail: amivano@rambler.ru

Для цитирования: Иванова А. М. Рецензия на: Лебедев Э. Е. Словообразование в чувашском языке : монография / Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2023. 211 с. // Этническая культура. 2024. Т. 6, № 1. С. 40–41. DOI 10.31483/r-110551. EDN XQWAGC

Review

Review of: Lebedev E. E. Word formation in the Chuvash language : monograph / Cheboksary : Chuvash State Institute of Humanities, 2023. 211 p.

Alena M. Ivanova

 Chuvash State University,
Cheboksary, Russian Federation.

 <https://orcid.org/0000-0003-1562-2147>, e-mail: amivano@rambler.ru

For citation: Ivanova A. M. (2024). Review of: Lebedev E. E. Word formation in the Chuvash language : monograph / Cheboksary : Chuvash State Institute of Humanities, 2023. 211 p. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 6(1), 40–41. EDN: XQWAGC. <https://doi.org/10.31483/r-110551>

В чувашском языкознании в последнее время усилились исследования в области грамматики. Во многом это связано с приходом в чувашологию нового поколения ученых, но в большей степени – осознанием необходимости изучения грамматики чувашского языка в его реалиях, а не путем калькирования иноязычной теории. Последнее стало результатом признания положений петербургской тюркологической школы во главе с профессором В. Г. Гузевым, направленных на аутентичное описание грамматик тюркских языков.

В 2023 г. в Чувашском государственном институте гуманитарных наук вышла монография Э. Е. Лебедева «Словообразование в чувашском языке». Данная книга – третья по счету в серии «Строй чувашского языка» после выхода в 2017 и 2020 гг. работ по морфологии [Сергеев, 2017], фонетике и фонологии [Яковлев, 2020].

Настоящее исследование представляет собой определенный интерес, так как в области чувашского словообразования на настоящий момент опубликовано не так много работ.

В первом разделе книги «Проблемы изучения словообразования в чувашском языке» автор рассматривает некоторые вопросы, которые, по его мнению, имеют особую актуальность при изучении словообразования. К ним, например, относятся четкое разграничение словообразовательных и словоизменительных значений, отношения между производящей и производной основы, способность исходной основы к образованию новых слов. Отметим, что указанные Э. Е. Лебедевым проблемы действительно входят в ряд наиболее важных в области дериватологии.

Основные разделы книги посвящены аффиксальному словообразованию именных частей речи и глагола, что представляется справедливым, поскольку именно этот вид деривации наиболее распространен в чувашском языке. Автором дан подробный анализ аффиксов, используемых для создания новых слов, относящихся к различным частям речи – именам существительным, прилагательным, наречиям и глаголам. Исходные основы также разделены по частям речи. Таким образом главы, где описываются аффиксы, образующие определенную часть речи, поделены на разделы в соответствии с частеречной принадлежности исходной основы.

Набор аффиксов как именного, так и глагольного словообразования, представленный в книге, достаточно большой, аффиксы при этом поделены на группы продуктивных и непродуктивных. Для аффиксов продуктивного словообразования автор дает группы значений производных глаголов, а для некоторых – и группы значений исходных основ. В целом исследование аффиксального типа выполнено разносторонне – охвачены разные аспекты этого явления.

Словосложение по мнению Э. Е. Лебедева в чувашском языке более всего представлено у именных частей речи – имени существительного, прилагательного и наречия. Каждая из этих групп разбита автором на одни и те же подразделы – собственно сложные слова, парные слова и слова-повторы. Все группы проиллюстрированы большим количеством примеров. Что же касается глагола, то наличие у этой части речи способа словосложения в работах чувашских языковедов оспаривается (см. работы И. А. Андреева). Но Э. Е. Лебедев все же признает наличие

такого способа, хотя и оговаривается, что провести четкое разделение между синтаксическими сочетаниями и сложными глаголами, образованными по типу «существительное + вспомогательный глагол» непросто. В качестве доказательства потенциальной способности деривации в чувашском языке подобных сложных глаголов автор приводит примеры окказионального словообразования по типу «инфинитив русского глагола + вспомогательный глагол *ту*», например, *звонить ту* ‘позвонить’, *мешать ту* ‘мешать’.

Наиболее спорная ситуация сохраняется в области так называемой конверсии. В соответствии с официальной

позицией современных языковедов такого типа словообразования в чувашском языке не существует. Однако Э. Е. Лебедев, вслед за И. П. Павловым [Павлов, 2014, с. 192–219], все же признает ее наличие, правда, в очень ограниченном количестве и только в случаях перехода слов из разряда именных частей речи или имитативов в глагол и наоборот.

Книга Э. Е. Лебедева «Словообразование в чувашском языке» безусловно является значительным вкладом в чувашеведческую науку.

Список литературы

Павлов И. П. Современный чувашский язык: монография / науч. ред. В. И. Сергеев. Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2014. Том 1. 264 с. ISBN 978-5-87677-190-2. (Серия «Морфемика, морфонология, словообразование»).

Сергеев В. И. Морфология чувашского языка: словоизменение, формоизменение и формообразование : монография / науч. ред. А. П. Долгова. Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2017. 400 с. EDN [LYHMLJ](#)

Яковлев П. Я. Фонетика и фонология чувашского языка : монография / науч. ред. А. П. Долгова. Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2020. 288 с. EDN [NYWJBW](#)

References

Pavlov, I. P., & Sergeev, V. I. (2014). Modern Chuvash language., 1, 264. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanitarian Sciences. ISBN 978-5-87677-190-2

Sergeev V. I., & Dolgova, A. P. (2017). Morphology of the Chuvash language: inflection, form change and form formation., 400. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanitarian Sciences. EDN: [LYHMLJ](#)

Yakovlev P. Ya., & Dolgova, A. P. (2020). Phonetics and phonology of the Chuvash language., 288. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanitarian Sciences. EDN: [NYWJBW](#)

Информация об авторе

Иванова Алена Михайловна – доктор филологических наук, доцент, декан, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, Чебоксары, Российская Федерация.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1562-2147>;
e-mail: amivano@rambler.ru

Information about the author

Alena M. Ivanova – Dr. Sci. (Phil.), associate professor, dean, Chuvash State University, Cheboksary, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1562-2147>;
e-mail: amivano@rambler.ru

Поступила в редакцию 01.02.2024

Принята к публикации 15.03.2024

Опубликована 26.03.2024

Received 01 February 2024

Accepted 15 March 2024

Published 26 March 2024

